легенды нашего рока

иллюстрированная история группы

ЧАЙФ

амфора

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Добившись всенародного признания, собирая стадионы и выпуская альбомы, ЧАЙФ, в отличие от многих коллег по цеху, остались жить и работать в родном Екатеринбурге, остались верны себе и своим слушателям. Группа скоро отпразднует очередной юбилей — к тем, кто помнит и любит их старые песни "с самого начала", уже примкнуло новое поколение, выросшее на ЧАЙФе почти тридцатилетней выдержки.1.0 — создание файла

- Андрей Матвеев
  - Волна простоты — I
  - Волна простоты — 2
  - Сейшн имени Перова в ДК имени Воровского
  - Волна простоты-3
  - Повесть о том, как два мечтателя одного монтажника с толку сбили
  - Волна простоты-4
  - Псы с городских окраин-I
  - 25 вопросов Шахрину
  - Псы с городских окраин-2
  - Псы с городских окраин — 3
  - Лихие девяностые-1
  - Лихие девяностые. Из записок Шахрина
  - Вместе теплей

Андрей Матвеев
Чайф

Волна простоты — I

* * *

Слово Чайф хорошо рифмуется.

Например, «Чайф — кайф!».

А еще лучше вот так: «Чайф — в кайф!».

Да ведь он и на самом деле в кайф!

Впервые про Шахрина я услышал от Лени Баксанова. Это такой фанат рок-музыки, у которого я периодически брал на запись всякие панк-диковинки, а работал он на жутко закрытом заводе, что был, да есть и сейчас, в самом центре тогдашнего Свердловска, ныне Екатеринбурга.

Это была осень 1984 года, года Крысы и Оруэлла.

Леня знал, что я якшаюсь со всей нашей городской рок-тусовкой, и как-то, когда я приехал к нему на проходную то ли за очередными The Stranglers, то ли за Dead Kennedys, сказал мне:

— Слушай, тут один классный парень появился, песни поет…

— Многие поют! — вежливо ответил я.

— Он хорошо поет, и песни клевые! Послушаешь?

Я кивнул, Леня сказал, что возьмет катушку с записью и передаст мне в следующий раз.

Так и произошло, я сунул катушку в сумку и забыл про нее на несколько дней. Слушать было чего, как раз тогда я торчал на Майке и раннем БГ. Да и наши, свердловские рокеры порою меня радовали, что «Трек», что «Урфин Джюс». Время прочих еще не настало, да, исходя из странной аберрации времени, казалось, что так и не настанет — знаменитая пора черненковского похода на рок-музыку с пресловутыми списками запрещенных групп и какой-то паранойей, которая делала воздух той осени немыслимо спертым и волглым.

В общем, про катушку с записью неведомого мне Шахрина я просто забыл чуть ли не на месяц, пока все тот же Леня не позвонил мне и не поинтересовался, что я могу сказать: мол, автор тире исполнитель его уже несколько раз спрашивал. Я пообещал, что скажу вот буквально в конце недели, а потом начал искать катушку. И нашел.

Не помню уже, что было на той неумелой, безыскусной записи, но две песни меня зацепили, легли прямо на сердце: «Волна Простоты» и «Завяжи Мне Глаза». Какая-то запредельная искренность и потрясающий лиризм с явно прорывающимися нотками трагизма, до чего я всегда был (да и сейчас) падок. Песни просто под гитару и губную гармонику, может, это и заставило меня тогда взять трубку, набрать Баксанова и сказать буквально следующее:

— Леня, это круто, это просто какой-то наш Боб Дилан! Познакомь меня с ним!

Вслед за мохеровым бумом
Придет волна простоты.
Эта волна мне по душе,
Я люблю быть со всеми на ТЫ.
Волна простоты.
Волна простоты.

Вслед за грохотом пушек
Придет волна тишины.
Мы наконец-то услышим друг друга,
Узнаем, что есть я и ты.
Волна тишины.
Волна тишины.

Вслед за синтезаторным гулом
Придет волна неискаженных чистых звуков.
У ней свои популярные песни
Со смыслом в каждой из букв.
Волна неискаженных чистых звуков,
Волна неискаженных чистых звуков.

Вслед за грязью талого снега
Придет волна дождевой чистоты.
Вслед за колкостью зимнего льда,

Будет нежность летней воды.
Нежность воды.
Нежность воды.

Волна простоты.
Волна тишины.
Волна неискаженных чистых звуков.
Нежность воды.

Песня заканчивается. Из динамиков слышится лишь змеиное шуршание ленты. Потом опять начинает звучать гитара, опять раздается голос, который нравится все больше и больше. Что это за странный чувак такой обнаружился — Володя Шахрин?

Замечательный портрет Шахрина можно найти в книге Леонида Порохни «Чайфstory»:

«Невысокий, худой, носатый и застенчивый, Шахрин производил стойкое впечатление „правильного парня“. Что было немодно и не в порядке вещей, не зря Решетников сразу связал его внешний вид с идейно-комсомольской принадлежностью…

Далее: был он улыбчив, открыт, очень общителен и явно одинок. Шахрин пребывал в том возрасте и положении, когда, согласно каким-то неписаным, но могущественным законам бытия, работа и семья вытесняют из жизни каждого трудового мужчины и друзей, и увлечения, и много чего еще…

Шахрин работал на стройке монтажником, „нулевые циклы“ закладывал, то есть вел тяжелую мужскую жизнь на свежем воздухе. Дома тоже была мужская жизнь не из легких: годовалая дочь, любимая жена Лена — девушка замечательная, но строгая; и все это в одной квартире с Вовиными родителями, квартире далеко не полнометражной, располагавшейся „на Пехоте“ — в одном из самых угрюмых свердловских спальных районов. И пока своего жилья нет, жизни не будет, так что вел Шахрин жизнь не юноши, но мужа, ни на какие рок-н-роллы в ней места не оставалось. Но музыку слушал.

Не усмехайся, читатель, слушать музыку в те времена — тоже немало. Таскаться с кипой пластинок на Шувакиш, торчать под липкими взглядами оперов, чувствуя себя почти уголовником, бегать по лесу во время облав — немало. К тому же слушал Вова музыку, для Свердловска тех времен не совсем типичную. Слушал

T. Rex. А в окружающей среде, даже интеллектуальной, любителя T. Rex отыскать было почти невозможно. Не зная английского, Шахрин слушал The Rolling Stones, что тоже диковато. Слушал The Stranglers — репертуар в образ „правильного мальчика“ не вписывался никак.

Но что при ближайшем знакомстве Кукушкина с Решетниковым просто потрясло — оказалось, Шахрин когда-то играл в группе. Играл натурально, а не виртуально, как они! В конце семидесятых в школьной группе, где был даже знаменит, потом в техникумовской, а потом в ансамбле песни и пляски Краснознаменного Дальневосточного пограничного округа!.. Последний, конечно, не совсем чтобы „группа“, но все же… Но и это еще не все.

Шахрин писал песни.

И давно этим делом занимался, еще с армии, потом продолжал понемногу, зачем — непонятно. Работал на стройке, друзей почти не было, жизнь с песнями не стыковалась. „С музыкой я тогда совсем скис, но песни писались, — вспоминает Шахрин, — и было непонятно, кому их играть. Поначалу я их показывал на строительных праздниках, ребята подходили, спрашивали: „Чьи песни?“ — „Мои“. — „Ну, здорово… “.

Да и верно, стройка все-таки, а не филармония. Тут пришли Олег и Вадик. Пришли в нужное место и в подходящее время…»

Олег Решетников и Вадик Кукушкин — те двое парней, что вместе с Шахриным и организовали когда-то группу «Чайф». Скоро я с ними познакомлюсь. Но с самим Шахриным раньше.

Опять звучит гитара, как-то агрессивно, с проскальзывающими нотками тоски и трагизма. С годами в песнях Шахрина подобной личной откровенности будет все меньше и меньше, но это ведь право художника: писать так, как он чувствует мир и себя в этом мире. Вообще всегда интересно, почему была написана та или иная песня, что послужило поводом, толчком, но вот про эту я Володю никогда не спрашивал, понимая, что это что-то очень интимное:

Я вижу всё, завяжи мне глаза,
Закрой не ладонью, а черной повязкой.
Тебе будет легче со мной во стократ,

Я буду доверчив, так завяжи мне глаза.

Я буду беспомощен, подставь мне плечо,
Возьми меня за руку, отведи куда хочешь.
Скажи, что я вижу могилу отца,
И я упаду на колени, завяжи мне глаза.

Скажи, что именно здесь рождается свет,
Скажи, что здесь кроме нас никого больше нет.
И я буду верен тебе до конца,
Но я вижу всё, так завяжи мне глаза.
Завяжи мне глаза.

Ты хочешь, чтоб я видел то, что видишь ты.
Ты хочешь, чтоб я рисовал на асфальте цветы,
Но завтра цветы смоет гроза,
Останется серый асфальт, так завяжи мне глаза.
Завяжи мне глаза…

Наконец, как-то вечером Шахрин позвонил мне. Я даже помню дату — 4 декабря 1984 года. Просто в тот день с утра я провожал в аэропорту БГ. И вся предыдущая неделя прошла в понятном и очаровательном безумии от общения с Борисом, в приключениях, связанных с этим его визитом (он сдавал музыку в местном ТЮЗе, песни для спектакля «Прошлым летом в Чулимске» по пьесе Вампилова, хотя это мог быть и другой спектакль). Но речь сейчас не о Борисе Борисовиче, а о Владимире Владимировиче, и дату я хорошо запомнил!

Шахрин позвонил вечером. Я извинился за свой утомленный голос и сказал, что, вот, БГ был, улетел утром, провожал его, так что извини, что я такой неадекватный сейчас…

— Ой, — сказал Шахрин, — а я так хотел бы с ним познакомиться!

— Все у тебя впереди! — сказал я Шахрину. И оказалось, что был на все сто процентов прав.

Мы встретились у меня дома через несколько дней.

Шахрин мне сразу понравился: в нем была какая-то домашняя простота, которой давно уже не замечалось в наших свердловских рок-звездах, в нем не было никакого пафоса, и

скромным он мне показался, да таким он и был тогда. Хотя и сейчас, уже будучи известным на всю страну, Володя не сильно отличается от того молодого человека с горящими глазами, который пришел ко мне вечером с гитарой и пел песню за песней, а когда он закончил, то я мог сказать лишь одно:

— Это все надо записать заново!

— Так я уже записал…

— Надо иначе, и я вроде бы знаю, как!

Я могу ошибаться в деталях, может, идея записи пришла мне в голову позже, когда мы уже стали общаться с Шахриным намного чаще, порою два, а то и три раза в неделю, и все больше и больше влюблялся (это на самом деле так) в его ранние песни, голос и манеру пения. И мне действительно казалось тогда, что если кто и тянет на прозвище «наш Боб Дилан», так это именно Володя. Прав ли я был?

Да какая разница!

Тихо-тихо ползи,
улитка, по склону Фудзи,
вверх, до самых высот…

Это хокку Кабаяси Исса очень точно подходит ко всему творчеству как самого Владимира Шахрина, так и всей группы «Чайф».

Тихо-тихо, не как взрыв сверхновой или вспышка кометы в земной атмосфере, а как строительство пирамиды — камень за камнем, постепенно, к сияющему солнцу славы, долго до него?

Главное — знать, что все это достижимо.

Шахрин — знал!

Волна простоты — 2

Дул, дул дурной мартовский ветер. Снег был уже черным и просевшим, ноздреватым, похожим на линялую змеиную шкуру. И было то ли воскресенье, то ли вообще какой-то праздничный день, чуть ли не Восьмое марта — сейчас уже и не вспомнить.

Шахрин утром заехал ко мне, подождал, пока я соберусь и выпью кофе, а потом мы вышли на улицу, попали под эту вечную мартовскую ветряную раздачу, поймали тачку на ближайшем перекрестке и поехали к Кормильцеву домой. На автобусе с пересадкой было не очень удобно, да и долго, а нам хотелось поскорее забрать у Ильи его чудо-машинку и увезти ко мне. Зачем? Да и что это была за машинка?

Зачем? Это все просто. Не помню уже, как и когда пришла мне в голову идея, что все эти замечательные песни, так зацепившие меня после первого же прослушивания, надо бы записать заново, но в иной аранжировке, более изысканной, что ли. И лучше и на двух гитарах. Второй гитарист у Володи был, тоже Володя, только отчество другое — Сергеевич. А фамилия — Бегунов. Но мне казалось, что он не вытянет, сам не знаю, отчего, но была у меня уверенность, что лишь работа с каким-нибудь крутым (действительно) музыкантом даст тот результат, который иногда ночами звучал у меня в ушах, в период между сном и бодрствованием, когда и приходят самые безумные и приятные идеи.

Такой музыкант был. И был он на тот момент действительно лучшим гитаристом города, не только по моему мнению. Звали его Мишей Перовым, он был одним из основателей культовой на тот момент в Свердловске группы «Трек», а на тот момент и хорошим моим другом, так что поговорить с ним и пригласить его на запись никаких проблем для меня не составляло, — а с Шахриным они знакомы еще не были.

Никаких особых движений в группе «Трек» на тот момент не происходило. Ни выступлений — что было совершенно естественно, а у кого на тот момент были выступления? Ни записи — последний свой магнитоальбом они записали то ли осенью прошлого года, то ли позапрошлого, не суть важно, в общем, ничего не происходило, а играть Перову хотелось. И он согласился.

Вообще-то с Шахриным они уже были знакомы, но это другая, параллельная история.

«Матвеев… пригласил Шахрина поучаствовать в сейшне в ДК Воровского, посвященном дню рождения Миши Перова, гитариста группы „Трек“.

Сейшн имени Перова в ДК имени Воровского

„Но, так или иначе, три песни я спел“. В. Шахрин

День рождения Перова обыкновенно случается в сентябре, но сейшн, ему посвященный, имел место 4 января 1985 года. Почему?.. Кстати, группы „Трек“ к тому времени уже не было. Но сейшн был. В Доме культуры завода им. Воровского. Очень странное было место: весь ДК помещался в длинном и плоском помещении над каким-то заводским цехом. Туда и явился Шахрин, подогретый обещаниями Матвеева о том, что будут там почти все избранные музыканты, и „УД“, и группа „Группа“, которую сам Матвеев пестовал, и „будет молодой „Наутилус“, который скоро должен стрельнуть“. Шахрина в обстановке полной секретности встречали на заводской проходной, вели по переходам между производственными помещениями, вошли в клуб…

И… ничего. Сидят человек десять, водку выпивают, байки травят.

Их действительно было десять человек, но весьма любопытных — почти весь тогдашний свердловский рок: Егор Белкин и Илья Кормильцев („Урфин Джюс“), Миша Перов („Трек“), Володя Огоньков, игравший в „Группе“, и весь „Наутилус“, который в тот момент не был еще „Помпилиусом“ и состоял из двух лидеров, Димы Умецкого и Славы Бутусова. Матвеев, жена его Алина, вольный саксофонист Леха Могилевский, которого еще не взяли в „Нау“. И еще один кадр, который произвел на Шахрина впечатление особое: „И Нифантьев, у которого рожа зеленкой была намазана. Зеленая рожа! А я, порядочный рабочий со стройки, думаю: какой урод!.. Но он мне понравился, потому что он был бешеный абсолютно“. И абсолютно пьяный…

Шахрин — человек целеустремленный, пригласили его на сейшн, он приготовился играть. „Спел пару песен и понял, что никому не интересно, что людям просто неудобно, им надо выпивать и закусывать. Мне сказали: „Молодец, старик, на тебе стакан“. Выпили. А когда уже все были совсем пьяные, играть все-таки начали, но полную хренотень“ (Шахрин). Играли, кто на чем

не умел и нечто авангардное без названия, жанра и прочего музыковедения. Может быть, это была музыка портвейна, которого выпили в тот день несколько ящиков? Может быть, и так. Важней для нашей истории другое — Шахрин познакомился со всеми и всем понравился.

„Было видно, что он немножко комсомолец, — вспоминает Перов, — точнее, не он, а его оболочка. Но о песнях я подумал: „О, нормально!“ — видно было, что творчество не заимствованное“.

Потом шли по улице, провожались, болтали, орали и хулиганили. Музыканты!.. Особенно Умецкий, в руках которого был черный пластиковый кофр от бас-гитары с крупной надписью „Fender 115A“. И Шахрин почувствовал, что это есть, что оно настоящее, и что он, Вова, к этому уже причастен. На следующий день пришел к Бегунову, сообщил: „Я познакомился, я видел этих людей, реальных „Урфин Джюсов“ и „Наутилусов“, они такие же, как мы, без хвоста!»

(Л. Порохня, «Чайфstory»)

Зачем вспоминать самому, если можно процитировать? Хотя так ли оно все было — никто уже не помнит, да и не вспомнит. Расскажу лучше про Бегунова.

Бегунов играет в «Чайфе» уже столько лет, сколько вменяемому рокеру жить не пристало. Идиома «sex, drugs and rock’n’roll» не просто сносит «крышу», а на самом деле способна лишить саму жизнь как иллюзий, так и реальной действительности. Проще говоря, лишить человека жизни. Хотя вот Бегунов все еще терзает струны, правда, намного качественнее, чем двадцать пять лет назад, когда «народная» группа (так любят называть «Чайф») только начинала и была совсем другой.

Все эти годы он вместе с Шахриным воплощает то, что можно назвать духом и энергетикой «Чайфа», хотя, казалось бы, нет двух более разных людей. Роль Бегунова в группе — не просто играть на гитаре те или иные партии, углубляясь в импровизации, выныривая из них, оттеняя голос вокалиста, подхватывая его и сопровождая то металлическим скрежетом, то нежными переборами и ласковым глиссандо. Он еще и сценический раздражитель, к примеру, как Ангус Янг из AC/DC, только предпочитающий не коротенькие шорты и странную гусиную

походку-пробежку по сцене, но умеющий не хуже Янга заводить публику разными выходками, которые, впрочем, никогда не становятся самоцелью. Без звучания его гитары «Чайф» не был бы той группой, которую слушают миллионы. Потому и хочется спросить, не обидно ли столько лет стоять на сцене и быть все время в тени лидера — Шахрина. Но разговор начинается с другого: когда «Чайф» был на гастролях в Уфе, накануне концерта у Бегунова умер отец.

— Сам он не смог вылететь на похороны — концерт нельзя отменить, публика хочет шоу и должна его получить.

— Знаешь, — говорит Бегунов, — мы ведь много лет не виделись. Он ушел, когда я только школу закончил. И эмоции все эти годы были самые противоречивые. А тут я вдруг понял, что на самом деле его все еще люблю, просто в голове у меня два отца, один — тот бравый офицер из детства, кумир, и второй, о котором говорить не хочется, испоганивший свою жизнь. Хорошо, что все это было накануне концерта, я сидел в номере и вдруг начал плакать, никуда не выходил, просто думал и вспоминал. Очистительный такой день вышел. А на самом концерте, когда мы стали играть «Поплачь о Нём», меня тоже на слезу прошибло, эта песня вообще уникальна, а в тот момент я ее играл так, будто Шахрин ее лично для меня написал, умеет он все же слова определенным образом подбирать…

— Давай о другом, — говорит Бегунов, — обидно ли быть в тени? Раньше — да, не скрою, но ведь у нас странная страна, бывает, что на концерт приходят люди, считающие, что идут на «Чай Вдвоем», а ты говоришь «знать имя гитариста». Такой шоу-бизнес у нас… Есть главная персона, есть остальные. В России принято выделять лишь того, кто поет, остальные — буква «и». Гребенщиков и «Аквариум», Шевчук и «ДДТ», Макаревич и «Машина Времени». А знаешь, что обламывает очень сильно? Когда говоришь, что ты не из Москвы. Можно подумать, что главное достижение жизни — это если ты смог уехать из того же Екатеринбурга, хотя ты прекрасно знаешь сам, кто из уехавших смог чего-то добиться… Но всегда есть люди, которые знают тебе цену, так что второй ты, третий — какая разница? Важно, чтобы правильно принимали твои идеи в группе, это да, но мы с Шахриным давно пришли к какому-то общему знаменателю, ведь мы из одного теста. А вообще, самая большая моя проблема в том, что я идеалист (делает паузу), верю вот в Олимпийское движение, в общечеловеческие ценности…

С женой, семьей одного из сыновей, котами и верой в общечеловеческие ценности Бегунов живет далеко не в самом пафосном районе города. Только квартира побольше, а за окном все те же спальные пейзажи. Поначалу под домашнюю студию была отведена треть квартиры, но когда семья одного из сыновей перебралась к ним, Бегунову осталась лишь комнатка, настолько забитая аппаратурой, усилителями, гитарами, CD и виниловыми пластинками, что напоминает неухоженную пещеру Али-Бабы.

— Реализовал ли я себя до конца в группе и почему занимаюсь параллельно диджейством и кино? Да просто музыку очень люблю. И кино тоже очень люблю. Вот приезжаем в тот же Сочи, к примеру, море меня давно не прикалывает (хотя Бегунов родился и вырос в Крыму) но наступает вечер, когда море только слышно, и еще из какого-нибудь бара доносится хорошая музыка, главное, чтобы не шансон, но есть еще места, где играют правильную музыку. Я давным-давно мечтал иметь радиостанцию свою, чтобы рассказывать о хорошей музыке. Потому и диджействую, чтобы делать ту музыку, которую считаю нужной, не из общего ряда. Тошно, что серость правит миром. Помнишь фразу Сальери из «Амадеуса» Формана? Великий фильм… Кино?.. В пяти фильмах снялся, в двух с группой, в трех один. Их мало кто видел, да и увидит, но просто интересно, все интересно, жить интересно…

— Я боюсь спокойных людей, — говорит Бегунов, — мы ведь все — вода, состоим из нее на восемьдесят процентов, а она спокойной не бывает. То буря, то штиль. Наверное, потому и у меня такой характер. А потом с годами начинаешь ценить свое личное пространство, на гастролях вот все живут по одному, так уютнее, и пускать в свою норку начинаешь выборочно. Знаешь, сколько раз я видел, как сперва просто хотят с тобой сфотографироваться, потом начинают обниматься, потом чуть ли не целоваться лезут, типа лучшие корефаны. А у меня своя жизнь. У всех нас своя жизнь, иногда вот и доводит это стремление в нее влезть. Депрессии же… Как у всех, но вот перед пятидесятилетием была очень сильная, два месяца не проходила, зато потом все как рукой сняло!

— А вообще у меня офигительная профессия, — вдруг эмоционально и чуть ли не восторженно продолжает он, — мало того что занимаешься делом, которое в кайф, так еще с такими людьми встречался! С тем же Шекли тогда на рыбалку ездили, с

бас-гитаристом Хендрикса за одним столиком сидел, это ведь нечто!

Встреча Шекли с Бегуновым — отдельная история. Когда классик фантастики гостил в России, его пригласили на рыбалку. Бегунов как главный рыбак-теоретик (сам он всегда говорит, что больше думает о рыбалке, чем ловит рыбу) тоже поехал ловить щук с этой компанией на Большое Аятское озеро. Пожилому уже Шекли представляли всех по очереди. «А это вот знаменитый музыкант, из нашей русской супергруппы, рок-звезда!» — сказала переводчица и показала на Бегунова. Писатель спросил, какую музыку он любит, и знает ли парня по имени Брайан Ино. Бегунов долго рассказывал о том, что вот во времена Roxy Music Брайан Ино играл действительно крутые вещи, а потом начались все эти авангардные дела и прочее… «Я с ним альбом записал, когда жил на Ибице», — просто сказал Шекли.

В одного из самых интересных музыкантов страны Бегунов вырос из бывшего проходчика метро и бывшего же милиционера. Странного в этом нет ничего, Бегунов — личность. Противоречивая, неоднозначная, временами капризная, в общем, как уже упомянутая выше вода, которая редко бывает спокойной.

Когда-то музыкант страдал и от типичной русской болезни — банального пьянства. Есть те, кто скрывает это, а есть и другие, кто прекрасно осознает, от чего избавился. Бегунов из последних: «Двадцать лет как не пью. Просто в один какой-то чумной день я понял, что если не брошу, то все, кранты. И пошел к „анонимным алкоголикам“. Сейчас-то понимаешь, что пьянство для России — это тот диагноз, с которым что-то надо делать, не наркотики даже, в процентном отношении наркоманов меньше намного, а вот водка… Да и сколько людей ушло из тех, кто мог бы еще жить да жить. А из музыкантов… Тот же Майк».

О Майке Науменко он говорит с неподдельным чувством: «Может быть, справедливость восторжествует и один из основоположников русского рока вновь займет подобающее место?» Сейчас он забыт, и мало кому известно, кто такой Майк и что это за группа «Зоопарк». Впрочем, для того Бегунов и играет в клубах, чтобы хоть как-то возродить хорошую, «правильную», по его понятиям, музыку.

«Если ты что-то делаешь, то должен делать это хорошо! — утверждает Бегунов. — Деньги? Не могу себе представить очень

много денег. Мы жили всей семьей на сто восемнадцать рублей в свое время. Хорошо, что сейчас могу позволить себе больше, это действительно помогает доиграть в те игрушки, в которые не наигрался в детстве, но что бы я делал, если бы их было действительно много? Открыл бы клуб… Но в нашей стране, если ты начинаешь заниматься бизнесом, то должен сам все отслеживать, иначе ничего хорошего не получился, разоришься. Потому и не открою. Благотворительностью же и так занимаюсь, и сам, и с группой. Когда с Осетией все это было, просто собрал разные вещи и увез по адресу, который кто-то подсказал, а фонды и тому подобное… это все уже бизнес».

Жена артиста Маша как работала медсестрой, так и работает до сих пор, только теперь уже старшей. «Ей нравится, — утверждает Бегунов. — Да и я плохо представляю, что было бы, если бы она не работала, мы бы переругались совсем! Она ловит от этого такой же кайф, как и я от игры на гитаре, а сидеть дома… Да и потом, я все время езжу, она работает, даже если я не на гастролях, то у нас мало времени для разборок».

Он действительно постоянно в пути. Мы говорим о городах, больших и маленьких, в которых они были и будут, о том, что жизнь эта, конечно, выматывает, но есть в ней и своя привлекательность, если бы не эти безумные переезды, когда сегодня ты в Петропавловске-Камчатском, завтра в Йошкар-Оле, а потом где-нибудь еще.

— Бывает круто — продолжает Бегунов. — Вот в прошлом году на концерте большом, сборном, с нами вдруг Борис Гребенщиков решил спеть. А потом я с ним в первый раз долго и по душам говорил, он меня за своего признал. Знаешь, каково это?

На вопрос, какая песня сейчас для него важнее, «Я Слишком Стар для Рок-н-ролла, Я Слишком Молод, Чтобы Умереть» (песня английской группы Jethro Tull) или «Рок-н-ролл Мертв» гребенщиковского «Аквариума», он отвечает: — Да ни та ни другая! В первой слишком много иронии, во второй трагизма, а я не чувствую пока ни того ни другого, мне ведь все еще нравится играть эту музыку, причем с каждым днем все больше!

— Что бы я хотел пережить заново? Молодость, наверное… Просто вновь ощутить как невозможное становится возможным, это странное ощущение. А чего хочу… Поймать большую рыбу!

Хотя Ленни Кравиц ведь сказал, что вот выйду на пенсию, тогда и будет время порыбачить, так что большая рыба пока пусть где-то плавает.

Илья встретил нас с Шахриным в подъезде — он вышел покурить, дома ему не разрешали. Поэтому, кстати, многие стихи его и тексты были написаны прямо тут, на ступеньках.

— Это вы? — сказал он. И добавил: — Привет, сейчас принесу «Соньку» и шнуры…

Вообще-то запись на «Соньке» стоила денег — Илья купил ее то ли в Москве, то ли в Питере, и назанимал у всех, у кого только можно было. Даже у моего знакомого грузина, которому мне пришлось отдавать эти деньги несколько лет спустя, когда тот решил вынести мне дверь в квартиру и грозил всеми карами небесными.

Но эта легендарная «Сонька» спасала многих. На ней писались и «Наутилусы», и Егор Белкин, да кто на ней только не писался в те годы, когда нормальных студий просто не было.

В общем, выдал нам Илья Валерьевич свою волшебную (как всем тогда казалось) машинку, велел обходиться с ней, как с любимой женщиной, и мы с Шахриным пошли ловить тачку — не на перекладных же везти эту драгоценность ко мне домой. И довезли, ничего не случилось с японским аппаратом, занесли ко мне, поставили в кабинет и договорились, что все будет происходить завтра, когда мои бабушка с дедушкой отбудут на дачу — сбрасывать снег. В последний раз его сбрасывали еще в начале января мы с Шевчуком, а уже ведь март!

Главным на записи был Бегунов. В его задачу входило обеспечивать чай тире кофе, чем он и занимался, шустро передвигаясь между кухней и моим кабинетом, в котором была устроена студия.

Со стола все убрали, поставили на него «Соньку», один микрофон был примотан к стулу, на который уселся звукооператор. Им был Владимир Огоньков, игравший на гитаре в группе моей тогдашней жены, а потом, сколько-то лет спустя, решивший, что играть цыганщину намного выгодней. Чем, насколько мне известно, с успехом занимается до сих пор, хотя к самим цыганам отношения как не имел, так и не имеет, но это

ведь детали.

Перов уже достал из кофра гитару, какую-то крутую акустику, которая была куплена им незадолго до этого в Москве. Инструментом этим он необычайно гордился и демонстрировал нам, как он звучит и что он на нем может делать.

Шахрин распелся, они настроились, Огоньков понажимал какие-то кнопочки-клавиши на «Соньке», и все началось.

Я слушал из коридора, мне нравилось, да и как могло это не нравиться? Молодой и полный чувственности голос Шахрина, виртуозная гитара Перова — все это переплеталось и превращалось в нечто если и не совсем сказочное, то практически на грани.

Иногда мне хочется пережить те ощущения снова. Да, я знал все эти песни, любил их, но сейчас они внезапно стали иными: в них появились плоть и какое-то неистовство, сентиментальность внезапно исчезла, на ее место пришла мужественность, отчего лиризм Шахрина пробирал уже совсем до дрожи. Может, потому он до сих пор поет часть песен из того альбома на концертах «Чайфа», причем — именно в той версии, в какой они записали их с Перовым.

Чуть позже, уже в мае-июне, Шахрин сотоварищи — Вадиком Кукушкиным и Олегом Решетниковым, ну, и понятно, что с Бегуновым, записали первый альбом собственно «Чайфа», который назвали «Дурные Сны». Тоже в акустике, тоже дома, только уже у Шахрина. Писали на «Sharp», микрофоны опять были привязаны к стульям, да был еще простенький пульт «Карат».

Самой знаменитой песней из этого альбома стал «Рок-н-ролл Этой Ночи», хотя и остальные песни до сих пор звучат на концертах «Чайфа», что электрических, что акустических, потому как хорошие песни живут и много лет спустя после появления на свет.

Не помню уже, как возникла у Шахрина идея объединить обе записи — «Волну Простоты» и «Дурные Сны» в единое целое. Но она возникла, и появился двойной альбом, названный «Жизнь в Розовом Дыму». Вскоре я переправил его своему московскому знакомому, хорошо известному «магнитописателю» Саше Агееву, и первые записи «Чайфа» начали свою собственную жизнь, как

оказалось — вполне удачную.

А сама группа… У нее все еще было впереди!

Волна простоты-3

С Шахриным мы продолжали интенсивно общаться. Не могу сказать, что стали очень близкими друзьями — Шахрин всегда был очень домашним, да и сейчас такой, я же тогда много тусовался, хотя сейчас стал таким же домашним, как Шахрин.

Но хватит пока про Шахрина, надо про Решетникова с Кукушкиным. Опять из «Чайфstory» Лени Порохни (спасибо, что разрешил цитировать!).

«…Этим двоим, Олегу и Вадику, было по семнадцать лет, были они друзья, одноклассники, и была у них группа. То есть на самом деле группы не было, но они о ней мечтали. Ребята бредили музыкой, бредили наяву и весьма энергично. Лидировал Кукушкин, мальчик развитой, интеллектуальный, но немузыкальный. „Тогда Вадик учился в школе, сочинял сюрреалистические стишки и рассказики, — вспоминает Шахрин, — такой „Маяковский в желтой кофте“, помноженный на четыре“.

А поскольку в те времена любое неформальное творчество мыслилось не иначе как творчество музыкальное, Вадик все надежды связывал с будущей группой, которую и пытался организовать методом фантазий в компании двух одноклассников. „Это была школьная группа, которая никогда инструментов не видела и не представляла, как на них играть, — вспоминает Решетников. — Мы разговоры разговаривали“. Придумывали будущие костюмы для будущих выступлений, роли между собой распределяли, решали, кто на чем играть будет… „Вадик себе забрал клавишные, еще один друг забрал бас-гитару, а мне сказали: будешь на барабанах играть… Надо барабанщика — буду барабанщиком, я не брыкался, мне что барабаны, что панк-труба — все было пополам. Где-то полгода проговорили, и третий разговорщик ушел, мы вдвоем остались“ (Решетников).

Продолжали фантазировать. А Решетников после восьмого класса во исполнение поручения стать барабанщиком поступил в музыкальное училище.

Олег являл собою тип молодого человека, который всегда и принципиально „сам по себе“. „Олег — очень закрытый человек, он всегда был очень закрытый, про него невозможно что-то

определенное сказать“ (Кукушкин). Он был очень музыкален, очевидно талантлив и несколько уже захвален: „Его всегда хвалили все педагоги, что очень талантливый, одаренный, что может стать хорошим музыкантом… Но заниматься он не занимался никогда“ (Кукушкин). К моменту поступления в Свердловское музыкальное училище им П. И. Чайковского (или просто „Чайник“) Олег окончил две музыкальные школы, одну по классу аккордеона, вторую — по барабанам… И в училище понял, что в училище ему делать нечего. „Сколько я в Чайнике ни учился — нормального барабана не видел, а потом понял, что барабаны мне не интересны“ (Решетников).

С барабанами не складывалось, но к Вадику заглядывал, жили-то рядом. И говорили о группе. Уже довольно вяло, ибо время шло, а группа все не группировалась.

К Шахрину до того они заходили, но почти случайно: „Общий знакомый нас свел на почве обмена пластинками“ (Кукушкин). „Нужно было пластинки поменять, кто-то меня попросил, дал адрес, сказал, что парень меняет что-то… Зашли, поменяли, поговорили“ (Решетников). И все. Никакой общности, не считая внушительной Володиной пачки „фирменных пластов“, о которой семнадцатилетним парням приходилось только мечтать. Более того, по всем приметам Шахрин ни к музыке, ни к творчеству никакого отношения иметь не мог: был заметно старше, семьянин и даже отец, работал монтажником на стройке, и, что важнее всего, вид имел для любителей полулегальной музыки несколько даже отпугивающий: „Такой „комсомольский деятель-молодец“. Был он, во-первых, активный, во-вторых, явно какой-то идейный; я же тогда не знал, какие именно у него идеи…“ (Решетников).

Повесть о том, как два мечтателя одного монтажника с толку сбили

„Мы говорили с ними про музыку, и однажды у меня дома я сыграл пару песен. Олег сказал, что он учится в Чайнике, и начал по коленкам подстукивать, Вадик стал фантазировать на тему „надо группу делать, классно будет“… Так пошли разговоры о музыке, разговоры о группе“ (Шахрин). Дальше разговоров дело не шло, Шахрин был бы и рад присоединиться к группе мечтателей о группе, но будучи человеком ответственным, отдавал себе отчет в том, что права такого не имел. Семья, дом и т. д., квартиру нужно, но даже это не главное, главным было вот что: болтовня о музыке со всех практических точек зрения была совершенно бессмысленна и бесперспективна. За окном стоял 1983 год, мечты о группе бродили в головах либо совсем мальчишек, вроде Олега и Вадика, либо совсем сумасшедших (о них позже).

Для тех, кто молод или запамятовал: общественно-политическая ситуация в 1983 году была хреновая. А в 1984-м стала и того хуже. Ни о каких дурацких штуках типа рок-групп, песен, музыки и „вообще“ речи не было и быть не могло. Не могло, и все тут. Это было очевидно, это знали все. Все знали, что это навечно. Или навсегда.

Преуспели Кукушкин с Решетниковым, пошел Шахрин в мечтатели. Дома музыкальные посиделки грозили обернуться последствиями, и Володя подошел к делу мечтания с опытом взрослого человека: пользуясь пролетарским положением, выбил комнатушку в Доме культуры строителей им. Горького „под якобы молодежный клуб по интересам. И мы стали там собираться“ (Шахрин).

Стали собираться. „Собирались на посиделки, которые репетициями трудно назвать, мы больше болтали. Пили чай“ (Шахрин).

„Я хотел, чтобы Володя свои песни записал не в бардовском варианте, чтобы был „саунд“, была рок-музыка. Ни о каких концертах мыслей не было, речь шла только о приобщении к магнитной записи“ (Кукушкин).

Так добрались до записи Володиных песен. Инициатива Кукушкина.

„Музыкантом группы я не был, потому что музыкантом и не был“. (В. Кукушкин)

„Кукушкин — очень славный человек, классический представитель поколения „дворников навсегда“. Человек сам в себе из категории ботаников“ (Бегунов). Высокий, чуть анемичный, умный, но путаный. Ребенок из хорошей академической семьи с ярко выраженной страстью к, если можно так сказать, „академическому андеграунду“ — совершенно питерский персонаж, которому крепко не посчастливилось родиться на Урале.

Еще до появления Шахрина Вадик занимался на дому экспериментами со звукозаписью: „Я делал композиции из примитивных басовых рисунков, на которые методом перезаписи с магнитофона на магнитофон накладывалась куча конкретики и разные партии труб. Обычные металлические трубы, в них высверливались отверстия, то есть интервалы там были, но совершенно дикие. Получалась довольно бредовая музыка, а сверху я начитывал стихи“ (Кукушкин). Современным языком, выражаясь, Вадик занимался авангардным сэмплированием, делом для начала восьмидесятых настолько опережавшим реальность, что серьезно к нему не относился даже автор. Музыкантом в полном смысле слова Кукушкин не был никогда.

„Я по первости пробовал приобщиться к группе в качестве бас-гитариста, но в связи с моей полной музыкальной несостоятельностью это дело быстро отменилось“ (Кукушкин).

„Кукушкин вообще принципиально ни на чем не играл, потому и придумал эту „панк-трубу“ из дыхательной трубки для подводного плавания. Он в нее вставил какую-то палочку и совершенно нелепые звуки из нее извлекал“ (Бегунов). „И мы попробовали сделать первую запись на магнитофон, Вадик дудел на „панк-трубе“, Олег стучал, не помню, по чему…“ (Шахрин). Сам Шахрин играл на гитаре и пел. Записывали прямо в ВИА „Песенке“, вживую на два микрофона и бытовой магнитофон.

„Из песен, помню, был „Квадратный Вальс“, — с трудом вспоминает Кукушкин, — впоследствии они практически все не сохранились в репертуаре. Уровень был полностью

самодеятельный, альбомом это, конечно, никак не могло считаться“.

И тем не менее, это был уже реальный результат — запись „Визовский Пруд“.

„Встал вопрос: а как мы ее назовем? Шахрин принес бумажку, на которой написаны, были песни, участники и как дежурная версия название „Визовский Пруд“. Это было его предложение. Причем, Шахрин его предложил в качестве названия группы, хотя тогда группы не было“ (Кукушкин). Так группа чуть не получила довольно странное название. Визовский, а правильнее, Верх-Исетский пруд — довольно большой, очень грязный водоем на западной окраине Свердловска, названный в честь не то верховий реки Исети, не то ВИЗа, завод такой, гигант металлургический. Кукушкина эта водоемная галиматья привела в ужас, и Вадик придумал название „Чайф“.

Это, конечно, тоже была галиматья, но иного рода. „Обычно название с напитком связывают, но для меня оно с напитком никак не связано, — размышляет Кукушкин. — Я тогда занимался экспериментальным сочинительством, чай — это было понятие экзистенциальное. Возникла контаминация „чая“ и „кайфа“, и когда его через черточку стали писать, мне обидно было — это одно слово. Меня привлекала какая-то размазанная семантическая аура, когда ничего конкретного в слове не появляется“ (Кукушкин).

Однако мы играем словами ровно в той степени, в какой слова играют нами. Первоначально название принято было писать так:

„Чай-Ф“.

А что наши музыканты пили?

„Чифирь“.

Такая „размазанная семантическая аура“… Шахрин еще не знал, что у них за „чай“ в ходу, а Кукушкин уже группу назвал… Хорошо хоть не „Чифирем“…

Ладно, вернемся к исторической реальности… „И мы сделали первую запись, Вадик дудел на панк-трубе, Олег стучал, я пел, а

Бегунова не было“ (Шахрин). Фамилия эта, в нашей истории возникающая впервые, постояльцам ВИА „Песенки“ была известна, слыхали, и не раз, что есть у Шахрина какой-то особенный, настоящий друг, Вовка Бегунов, к нему Володя и пошел со свежей пленкой. „Запись я показал Бегунову, он сказал, что это, конечно, совсем не то, что мы играли в техникуме, но если совместить наш опыт с нынешними идеями, что-то, может, и получится“ (Шахрин).

„К тому времени было понятно, что вот-вот группа случится“. В. Шахрин

…Дописывали альбом у Шахрина дома, куда свезли пульт „Карат“, ревербератор „Тесла“, злосчастный магнитофон «Sharp», три микрофона и инструменты. Из ковра, который до сих пор живет у „Чайфа“ на репетиционной базе, сделали шатер, под ним сидел Решетников с ксилофоном, два Вовы — на диване, к спинкам стульев привязаны микрофоны, которые брали сразу все. „Дольше всего писали в „Квадратном Вальсе“ звук смывающегося унитаза, — свидетельствует Шахрин, — нас этот процесс так увлек, что мы несколько часов на унитаз потратили“…

Так у них оказалось сразу целых два альбома, оба вызывали некоторые сомнения, и решено было их объединить. Записанный с Перовым назывался „Волна Простоты“. Записанный собственно „Чайфом“ — „Дурные Сны“. Что в сумме, спрашивается? „Жизнь в Розовом Дыму“.

Альбом „пошел“. Имя „Чайф“ стало нарабатывать некоторую известность, угодив одновременно и на газетные полосы (стараниями Лени Баксанова в строительной многотиражке), и в список групп, „запрещенных к концертной деятельности и к распространению путем тиражирования“ (стараниями других товарищей в органах культуры)».

Волна простоты-4

…И вот насупила осень. 29 сентября 1985 года, 18:00. Первый концерт.

Помню, что было очень тепло. Будто и не сентябрь даже, а еще солнечный, ласковый август. На ЖБИ — это такой район в Свердловске, который, вместе со всем городом, плавно переехал и в Екатеринбург, и где как находился, так и находится МЖК, тогдашняя вотчина Шахрина, — я приехал накануне, завис у своей тогдашней подруги. Помню, что и Шахрин навестил нас, понятно, что с гитарой, и пел около часа, будем считать, прогонял программу перед концертом.

А концерт должен был состояться в ДК МЖК, «директором которого был Сережа Ивкин, добрейший человек с консерваторским образованием», — рассказывает Шахрин. Быть бы добрейшему Сереже Ивкину и дальше директором с консерваторским образованием, когда б не свела его судьба с Шахриным, который все уговаривал провести в подчиненном Ивкину ДК концерт группы «Чайф». И уговорил. Уволили, его, правда, уже после концерта «Наутилуса Помпилиуса», в самом конце октября. Но это другая история.

Случилось же сие действо «Чайфа» 29 сентября 1985 года, собственно, с тех пор Шахрин сотоварищи и отсчитывают срок своего рождения как группы.

…Зал затих, я вышел на подмостки… Все правильно, кроме одного: зал ни фига не затих, публичных рок-концертов не было в городе «с весны 1982-го, когда в последний раз играл „Урфин Джюс“, первый концерт не совсем в подполье, и каким бы он ни был, в публике царило нервное ликование, чуть испуганное, чуть взвинченное. В маленьком здании ДК МЖК, в крошечном зале с балкончиком было тесно, как в трамвае. Все знакомы, все так или иначе причастны рок-н-роллу, все готовы отчаянно любить эту группу с пока еще непривычным названием, какой бы она ни была. А какова она на самом деле, не знал никто, запись не слышали, чайфов знали только в лицо…».

Так это описывает Порохня, мне же вспомнить практически нечего: я открывал тот концерт. Сказал какие-то идиотские слова о том, что вот сейчас мы все прикоснемся к уникальному

явлению, явно вспомнив про Майка и про Боба Дилана, а потом позвал на сцену музыкантов.

Играли сидячий полуакустический вариант в составе: Шахрин (гитара, гармоника, вокал), Бегунов (гитара, бас-гитара, вокал), Решетников (разная перкуссия). Ритм плавал, гитары не строили.

Пантыкин записал потом в дневнике: «На словах и музыке (правда, о музыке говорить сложно, ибо ее почти нет) Шахрина лежит глубокий отпечаток города Ленинграда, хотя нечто индивидуальное за этим все же просматривается. Тексты хорошо читаются, они „здесь и сейчас, кайфуем вместе!“. Заметно влияние рок-н-ролльных традиций, интересно сочетание „ак. гитара — бас — тройник“, в этом сочетании прозвучали самые удачные вещи: „Я Правильный Мальчик“ и «Рок-н-ролл Этой Ночи“. Шахрин неплохо владеет голосом, ему не хватает опыта, но со временем из него может выйти очень неплохой исполнитель».

Дедушка уральского рока (тм) точен в своей оценке — так оно все и было. Что они играли? Сейчас сложно вспомнить тот сет-лист, да и стоит ли? Наверное, все, что было написано Шахриным к тому моменту и что ему самому казалось достойным представления публике. Последняя была довольна, пусть и не до беснования в зале, не до отрыва стульев от пола, но были и бисы, и «Чайф», внезапно ощутивший, что все было не зря, и они действительно нужны, опять начал играть, одна песня, вторая… Шахрин вытирает пот со лба, ребята раскланиваются и уходят со сцены.

И так они делают это уже тридцать лет!

Концерт тот закончился в 19:35, как гласят предания. То есть, с самого начала, без учета моего бессмысленного трепа, всё продолжалось больше часа. Что по тем временам для неумелых еще и не имеющих никакого сценического опыта музыкантов и их фронтмена — очень долго. В общем, это была безоговорочная победа — во всем, кроме одного. Что делать дальше? Концертов в ближайшее время не предвиделось.

Песни у Шахрина, конечно, писались, но хотелось идти дальше, пусть пока и непонятно, куда. Собственно, обо всем этом мы и разговаривали с Володей в тот поздний вечер, уже на грани с зимой, идя в сторону его дома, под жутким снегопадом, отчего-

то прекрасно ощущая себя в этой кромешной непогоде. Надо было пересечь длинный мост, связывающий его район с городом, и вот там-то, на этом мосте, вдруг стало понятно, что же делать дальше.

— Надо записать альбом! — сказал я Шахрину.

— «Чайф» пока не готов! — грустно ответил Володя.

— Не только с «Чайфом», — продолжил свою мысль я, — со всеми…

— Как это? — спросил Шахрин.

— Собрать всех ваших музыкальных друзей…

— With a little help from my friends… — пытаясь прикрыть лицо от снежного заряда, пропел Володя в шарф.

— Ага, — сказал я, — типа того!

И все завертелось! Не сразу конечно, через несколько дней. А тот вечер запомнился еще одним. На мосту никого из прохожих не было. И вдруг, из снежного плена, буквально явилась невысокая фигура в тулупе и вязанной (вроде бы) шапке с опущенными ушами. Замахала руками, мы остановились. Это оказался Саша Башлачёев, проводивший ту зиму в Свердловске и шедший в тот самый момент куда-то в центр. Сейчас бы я сказал, что это точно небеса явили свой знак.

Так и получился «Субботним Вечером в Свердловске». «Проект был бодрый: позвали всех знакомых, знакомые не все, но пришли. „Песни у нас были более-менее отрепетированы, — рассказывает Шахрин, — мы показывали песню, и, например, Егор Белкин слышал „Зинаиду“, говорил: „Давай двенадцатиструнку, знаю, как сыграть“. Пару раз прогоняли все это и тут же записывали“. Белкин играл на гитаре, Дима Умецкий — на басу и пел, Бутусов пел бэки, на барабанах играли Алик Потапкин и Олег Решетников, Виталий „Киса“ Владимиров на тромбоне… Действо происходило в ВИА „Песенке“ весело, со всякими бегуновскими штучками, и все были уверены, что результат будет „что надо“».

Как дальше точно пишет Порохня в своей книге о «Чайфе»:

«Альбом не решались выпустить полгода. Было в нем что-то пугающе неправильное, но не сразу стало понятно, что именно. Фокус оказался вот в чем: „Чайф“ не стыковался с музыкантами, поигравшими в альбоме. Не стыковался, в том числе и по признаку профессиональному; так, Белкин играл простенький гитарный рифф в „Зинаиде“, и этот рифф при прослушивании „вываливался“ из материала, начинал жить сам по себе. Но не это главное: именно пленка показала, что „Чайф“ плохо стыковался со свердловским роком как таковым. А свердловский рок, в свою очередь, не стыковался с „Чайфом“.

Своеобразным подтверждением тому стала забавная мелочь: Дима Умецкий, один из отцов-основателей „Наутилуса“, пел рефрен „Ты сказала мне: Скотина!“. Петь Дима не умел, не мог правильно интонировать, припев вышел странный, но забавный. С тех пор при исполнении „Скотины“ Бегунов дурным голосом старательно копирует неуверенные интонации Умецкого. Прижилось… Были в альбоме и настоящие находки — ни одна не прижилась.

Была, была, существовала особая свердловская стилистика! Проступала даже в самых странных своих порождениях, вроде „Апрельского Марша“ или замечательного, несправедливо забытого ныне „Каталога“. Присутствовала она и у „Чайфа“, но не зря опытный Пантыкин сразу подметил питерские (т. е. чужеродные) веяния на первом же концерте группы! „Чайф“ был, конечно, местным, но… — хрен его знает!.. — все равно наособицу».

Последнее слово — очень точное. «Чайф» всегда был наособицу, да и сейчас находится там же.

Уже достигнув славы в пределах всей страны, до сих пор собирая многотысячные залы, продолжая выпускать альбом за альбомом, давно устаканившись в составе, да, в конце концов, просто оставшись жить и работать в одном городе, когда все остальные, с кем Шахрин и К° начинали когда-то, перебрались, кто в Москву, а кто в Питер, «Чайф» все равно если и не «свой среди чужих…», то точно, что свой — для слушателей, для тех, помнит и любит как ранние его песни, так и для новых поколений, предпочитающих поздний «Чайф», но ведь чем они были и есть прекрасны, так это тем, что никто и никогда не мог предположить, на что они способны. И это стало ясно на первом

же фестивале Свердловского рок-клуба!

Псы с городских окраин-I

* * *

Ранний «Чайф» был злым.

Несмотря на изначально присущий Шахрину лиризм и часто сопровождающую его интимную подачу того или иного текста, но даже сквозь все эти «завяжи мне глаза» порою перло что-то такое, от чего буквально срывало башню. Особенно мне нравились, да и сейчас нравятся, две таких песни — «Кот» и «Псы с Городских Окраин». Они схожи и в то же время каждая принадлежит тому времени, в котором была написана.

Гениальный «Кот» — это середина восьмидесятых, время люберов и гопников, и назревающих перемен. Их еще не было, но они уже чувствовались в воздухе — те самые «танцы на грани весны», о которых пел БГ.

Я ободранный кот, я повешен шпаной на заборе,
Я дворовый актер, каждый день в новой роли.
Ну что ж, раз у них такая игра,
Плевать — ведь больно мне было только вчера, только вчера.

Шершавый забор — не привыкать,
Не видеть тепла, не пить и не жрать,
Веревка на шее — тоже мура,
Я мертв — а больно мне было только вчера, только вчера.

Вон тот мужик, что качал головой,
Еще вчера пинал мне в брюхо ногой,
Сегодня прозрел, что ж, пожалуй, пора,
Прощаю — ведь больно мне было только вчера, только вчера.

Я ободранный кот, я повешен шпаной на заборе,
Я ободранный кот.

«У нас есть песня „Нет Горизонта в Этом Городе“. Это песня человека, которому за 50. А есть „Я Ободранный Кот“. Песня 19-летнего пацана. Немножко пролетария. Потому что я таким и был. Я и сейчас где-то глубоко в душе остался этим пролетарием. Потому что я иногда неловко себя чувствую в каких-то таких

бомондных компаниях. Просто время идет, все меняется», — вот как в одном из последних своих интервью сказал об этом Шахрин. В разговоре со мной он был более откровенен: «И время изменилось, и мы стали другими. Наш возраст, наш социальный статус, да и материальное положение… Себе мы ни в чем не изменили, но ведь смешно будет, если сейчас мы опять станем злыми, как тогда, когда пели „Я ободранный кот, я повешен шпаной на заборе“! Мне даже не сочинить сейчас такой песни, хотя в туре мы играем ее с удовольствием, есть и те слушатели, кто ее помнит». Это тоже из интервью к 25-летию группы. Вообще делать интервью с Шахриным сплошное удовольствие — он всегда откровенен, из него ничего не надо вытягивать клещами, как из Бутусова или БГ, и у него лишь одно требование к собеседнику: чтобы на бумаге текст даже интонационно был как можно больше похож на то, что, собственно, и говорил Володя. Вот оно, то интервью, чуть в подсокращенном виде.

25 вопросов Шахрину

Мы на «ты» ровно на один год больше, чем исполняется группе «Чайф». Потому мне и проще разговаривать с Шахриным, но в то же время сложнее. Просто многое, о чем мы решили поговорить морозным февральским днем, было отчасти если и не пережито вместе, то все равно я был свидетелем, порою сторонним соглядатаем, а временами и прямым участником событий. Но ведь должно быть нечто такое, о чем я никогда не спрашивал Шахрина, видимо, не приходило в голову. Стоит попробовать.

Перефразирую БГ — 25 лет не маленький срок, особенно, когда не слушаешь, а играешь рок, ты не устал? Или тянет вслед за Джаггером и Маккартни?

А куда потянуло Джаггера и Маккартни (смеется)? На сцену? Я не испытываю до сих пор никакого дискомфорта ни на сцене, ни в студии. Скорее всего, мы просто научились делать свою работу без особого исступления, не без вдохновения, а именно исступления, это когда поджилки трясутся. Я могу просто приехать домой и отключиться от того, что я артист. Люди устают, когда круглые сутки думают о своей миссии, о том, что им надо со сцены нести некий мессидж. Мы же просто играем. Кто-то всю жизнь играет в гольф, мы играем рок-н-ролл, разве что поля стали получше, да появились новые модели клюшек и электрокары (опять смеется).

На дворе 1984 год, и ты встречаешь того самого паренька, с рабочей окраины, который еще не думает о том, что через 25 лет будет юбилейный тур группы «Чайф», да и группы-то практически нет. Что ты ему бы сказал?

Я думаю, что просто улыбнулся бы ему в глаза с хорошей завистью. С ним ведь произойдет то, о чем он пока даже не догадывается и не мечтает. Так что пусть будет в неведении, ничего говорить же ему не надо.

Среди музыкантов поры классического русского рока были те, кто оказал на тебя не только влияние, но и реальную помощь?

Влияние, безусловно, да. Прежде всего, БГ и Майка Науменко. Немного Макаревича. Я его слушал чуть раньше, в школе и в армии… Что касается реальной помощи, то в начале восьмидесятых они сами так нуждались в ней, что вряд ли могли

чем-то помочь. Хотя вот уже в самом конце того десятилетия Андрей Бурлака (известный питерский рок-критик, тогда редактор ленинградского филиала «Мелодии» — А. М.) помог нам официально издать первый альбом. Макаревич как-то подарил комплект американских струн, достал из кофра с гитарой и дал мне, я таких никогда еще не видел. Ну, а наши свердловчане… Тут действительно все помогали друг другу. У Кормильцева была портастудия «Sony», он давал ее на запись. Слава Бутусов владел микрофоном «Shure», и его всегда можно было попросить. Ну? а у Умецкого (это уже такая легендарная история) была настоящая бас-гитара «Fender», которую ему подарила бабушка, жившая в Германии, так на этой бас-гитаре тогда все записывались…

Ныне всенародно любимая группа некогда была если не изгоем, то явно не лидером. Как ты ощущал себя в то смешное время, когда писалась «Белая Ворона»?

Я прекрасно отдавал себе отчет в том, что на нас все смотрят свысока и с иронией. Недавно я встретил одного из бывших функционеров свердловского рок-клуба, нет, не Колю Грахова (директор рок-клуба — А.М.), и тот мне сказал, что просто не мог бы поверить в то, что именно с нами произойдет вот вся эта история, такими мы казались ему временными. Но мы и сами ведь тогда относились к себе иронично, хотя ведь встречались люди, которые говорили, что эти вот и есть самые настоящие. К вкусу этих людей я и тогда прислушивался, да и сейчас это делаю. Ты сам знаешь (смеется)… Зато вряд ли знаешь о том, что Костя Канхалаев, тогда директор «Наутилуса», а ныне преуспевающий галерист, всегда относился к нам с особой нежностью, и недавно сказал мне, что жалеет, что не стал с нами работать, а предпочел «Нау», хотя эта история для него закончилась не очень весело. У него прекрасный вкус, думаю, что не только в живописи, и что он нам не льстил.

Первый концерт, я помню запись, что попала мне в руки, еще до нашего знакомства. Как раз, когда я только что приехал из аэропорта, проводив Гребенщикова. Послушал тебя и запал. А ты помнишь тот выход на сцену? Вообще, ведь это как дефлорация, наверное, первый концерт на публике?

То была просто запись первых песен. В МЖК был Клуб любителей музыки, приходили фанаты и обсуждали. Я сказал, что у меня есть новые песни собственные и сразу нарвался. Предложили прийти и спеть. Это был такой даже не концерт, а

междусобойчик для своей аудитории. Настоящим первым концертом все же был тот самый, 29 сентября 1985 года в клубе МЖК. До сих пор помню мандраж и как тряслись поджилки, ведь в зале была, что называется, вся рок-тусовка, те, кто имел полное право судить и сравнивать. У меня ощущение, что я до сих пор помню ЗАПАХ того концерта! Мы были молодыми и наглыми нахалами, лишенными всех шаблонов. Вышли на сцену в абсолютно непредсказуемом составе. Позже до нас дошло, что это был самый что ни на есть настоящий по тем временам прогрессивный калифорнийский саунд, типа «Mungo Jerry» (на самом деле группа британская, но это ничего не меняет — А. М.), со всем этими перкуссионистскими штучками, у нас не было слово «должно», мы были свободны!

Если разбить творчество «Чайфа» на периоды, как бы ты сам мог их охарактеризовать? Панковский, бардовский, это я к примеру?

Первым точно был чпок-рок. Что это такое, нам объяснил Майк на примере. Это когда одна бутылка портвейна на десять человек народа и к ней пять бутылок газировки. Портвейн наливается в стакан, совсем немного, добавляется газировка, накрывается все ладонью, и делается «чпок»! То есть встряхивается и перемешивается сам собой, при этом результат совершенно фантастический. Крышу сносит (смеется). Потом, в 1987–1989 годах был период пост-бит-недо-панка, немного того, немного сего. Это когда писались альбомы «Дерьмантин» и «Дуля с Маком». С 1989 года мы стали играть уже зрелую, если говорить о текстах, то остросоциальную музыку, если искать аналогии, то для меня самого это ближе всего к тому, что тогда делали «U2», проще говоря, это был один фарватер. Ну а с 1993 года, с альбома «Дети Гор», мы отчасти вернулись к чпок-року, но на ином уровне, став лучше играть, музыка стала крепче и светлее, да и сами мы стали чувствовать себя более гармоничными. И этот период длится до сих пор, хотя… (Тут Шахрин вдруг зачем-то цитирует БГ, отчего вся предыдущая фраза становится более загадочной). «Мы взяты в телевизор, мы — пристойная вещь, нас можно ставить там, нас можно ставить здесь, но в игре наверняка — что-то не так»…

Первая гастрольная поездка «Чайфа». Куда и в каком составе?

В Челябинск, в январе 1986 года, с «Наутилусом», ты сам ведь

ездил с нами и должен помнить (помню, но иные детали — А. М.). Подпольный концерт на заводе, вход через дырку в заборе. Шли через какое-то заснеженное поле, был буран настоящий, снег в глаза… «Наутилусы» приехали до нас, с ними Бегунов, помню, как пришли на квартиру, а они там уже все лежат вповалку (смеется). А концерт… На первом ряду сидели легендарные тогда Вова Синий и Вова Рыжий из «Братьев по Разуму», сейчас по них мало кто помнит, а ведь были герои андеграунда, и после каждой песни говорили: «Ну, говно!» В качестве же гонорара после концерта нам отдали катушку немецкой пленки «ORWO» с его записью, редкостная вещь по тем временам. И мы, вместо того, чтобы сохранить запись, использовали бобину для других нужд, проще говоря, стерли, ну, дураки!

Первые заработанные музыкой деньги? Когда они появились? Я помню, когда семьи, твоя и Бегунова, мягко говоря, не очень верили в ваше будущее. А вы сами?

В свое музыкальное будущее? Да этим ведь просто было интересно заниматься здесь и сейчас, ни о какой карьере артистов мы и не думали. Лишь в самом конце восьмидесятых мы поняли, что это возможно, хотя наши семьи не очень-то приветствовали наши занятия. А первые деньги… В конце 1986 года, в Казани, во Дворце молодежи, была устроена серия концертов с группой Егора Белкина и с «Наутилусом». Пять концертов за три дня. И за каждый концерт мы потом получили в кассе по 3 рубля 90 копеек, на самом деле в то время это были деньги, которые за один день и не пропьешь. Вообще тоже была своеобразная поездка, тогда первый раз с нами сыграл Володя Назимов (известный свердловский барабанщик, работавший с «Урфин Джюсом», а потом и с «Наутилусом Помпилиусом» в одном из составов — А. М.). Бегунов и Решетников опоздали на поезд, а концерт уже был назначен. И вместо Бегунова со мной играли Саша Пантыкин на клавишах и Володя Назимов на барабанах. У меня многие годы сохранялось воспоминание о том концерте как о чем-то совершенно потрясающем, пока года два назад в руки не попала случайным образом сохранившаяся запись — она чудовищна (смеется)!

Понятно, что сегодняшний состав — самый проверенный временем, сколько уже лет вы вместе на сцене. Но ведь были и другие. Охарактеризуй, если можешь, то лучшее, что давал группе и ее звучанию каждый из них.

Через группу прошло не так много музыкантов, но все они яркие личности, тут ничего не скажешь. Тот же Вадик Решетников

— умница и один из основателей группы, его перкуссия во многом заложила саунд раннего «Чайфа». Назимов — шикарный барабанщик, машина, запускающая сходу любую ритм-секцию. Антон Нифантьев, наш басист многолетний, который смог сыграть все, что угодно, да еще артистичен, такой шоумен на сцене. Еще какое-то время на бас-гитаре играл надежный и сдержанный Володя Привалов. Он нас просто выручил, когда Антон в очередной раз ушел из группы. Пришел и сказал: «Давайте я сыграю!» Еще был Володя Желтовских, он играл на альте в период «социального» и мягкого звучания, необычная очень получилась раскраска тогда. А потом пришел Валера Северин, который вписался в главное, в понятие не просто группы музыкантов, а группы друзей. Ну, и Слава Двинин появился, как вторая палочка-выручалочка, стал нашим общим другом и техническим мозгом группы. Это ведь главное, чтобы были еще и друзьями. С нами вот работали несколько лет прекрасный барабанщик Игорь Злобин, а потом еще и гитарист Паша Устюгов, они сделали все, чтобы влиться в коллектив, только паззлы не сложились в одну картинку.

Если бы ты мог, то собрал бы хоть на один концерт тот состав группы, который включал бы музыкантов из ваших разных эпох? Или это уже невозможно?

Теоретически можно собрать всех, думаю, что никто не откажется, но целесообразности в этом нет никакой, прежде всего, для слушателей. У нас ведь такая страна и такая публика, где на музыкантов, к сожалению, публика мало обращает внимания, на тех, кто рядом с фронтменом. Когда на концерте того же «Аквариума» на сцену выходит с бас-гитарой сам Саша Титов, то в зале никто этого даже не отражает, так о чем говорить, хотя Титов и приехал поиграть с БГ из Лондона. Хотя были случаи, когда уже в новое время на запись в студию приходили и Антон Нифантьев, и Володя Желтовских помогал нам на альте.

БГ когда-то давно говорил мне, что он до сих пор ищет свой звук, что настоящий музыкант вообще все время ищет свой звук. Ты нашего его?

Я думаю, что нет, я до сих пор недоволен. Мы каждую запись ищем вот этот самый звук. Тут что главное? Вовремя остановиться (смеется). Другое дело — манера, меня вот часто спрашивают про Володю Бегунова, и я отвечаю, что в России есть, по крайней мере, тысяча гитаристов, которые явно играют лучше его, но вот собственная манера максимум человек у двадцати, и

Бегунов — один из них.

Если у «Чайфа» был разные периоды, то в каждом из них были и те песни, что можно назвать знаковыми. Назови хотя бы несколько.

Ну, первый период — это «Хей, Хей», «Сибирский Тракт», «Рок-н-ролл Этой Ночи», «Ты Сказала Мне Скотина», «Вольный Ветер» и «Шаляй-Валяй». Во время пост-бит-недопанка такими я бы назвал «Где Вы, Где», «Высоту», «Дулю с Маком», «Я Ободранный Кот» и «Белую Ворону». 1989 год, начало другого периода и песни «Ты Моя Крепость», «В Городе Трех Революций», «Способ», «Поплачь о Нем». 1993 год, когда все начало опять меняться, это «Псы Городских Окраин», «Зажги Огонь в Моих Глазах», «Трамвай», «Не Спеши» и, конечно, «Не Дай Мне Повод». Много уже набралось, можно дальше и не перечислять, из них почти все до сих пор на слуху, назову лишь за последние три годы самые для меня важные: это «Белая Птица», «Ангел», «Жизнь в Розовом Дыму», «Камнепад», можно и точку тебе уже поставить.

У тебя есть те песни, которыми ты по праву гордишься, как Маккартни, скажем, может гордиться, прежде всего, «Yesterday»? Мог бы ты составить собственный, скажем, top-5?

Есть те, которыми я горжусь, но они практически не замечены публикой. А есть те, что и мне дороги, и слушатель их любит. Top-5 говоришь? Тогда на первом месте «Ой-йе». Магическая такая получилась, каждый раз ведь она про разное, и люди, подпевая, вкладывают в нее какой-то свой смысл. Дальше «Пусть Все Будет Так, Как Ты Захочешь», про нее мужики говорят, что это та песня, которую я хотел бы спеть своей подруге, а женщины предпочли бы, что им спели именно ее. Затем «Время Не Ждет», скажу лишь, что она мне самому многое что объясняет. Потом «Черные Дыры», у меня у самого слезы наворачиваются, и мурашки по коже бегут, когда ее переслушиваю, не понимаю до сих пор, как я ее написал, но публике она неизвестна. Ну и «Рок-н-ролл Этой Ночи», с первого концерта ее пою, как был хит, так и есть…

Сейчас вы проводите юбилейный тур, это ведь нечто колоссальное, не только по собственным, физическим и эмоциональным затратам. Это выматывает или дает новую энергию?

И то и другое. Ты жутко выматываешься с того момента,

когда сделал первый шаг при выходе из дома, и до мгновения, когда вышел на сцену, вот это пространство разделяющее и выматывает. Но сцена как аккумулятор, ты за эти два с половиной часа концерта подзаряжаешься, так что когда приходиться с нее уходить, и ты делаешь очередной шаг в обычное пространство, то чувствуешь себя иначе. Чем лучше концерт — тем меньше усталость.

Когда вы стали группой для большинства, а это произошло, как мне помнится, с приходом Димы Гройсмана, вашего многолетнего директора, то наметился явный крен в более облегченную, что ли, версию «Чайфа». Хотя, может, это веяние времени и изменение состояния души?

И время изменилось, и мы стали другими. Наш возраст, наш социальный статус, да и материальное положение… Себе мы ни в чем не изменили, но ведь смешно будет, если сейчас мы опять станем злыми, как тогда, когда пели «Я ободранный кот, я повешен шпаной на заборе»! Мне даже не сочинить сейчас такой песни, хотя в туре мы играем ее с удовольствием, есть и те слушатели, кто ее помнит.

В этом составе вы работаете уже лет десять, если не больше. Если честно, то нет конфликтов? Ну, а с тем же Бегуновым? Там ведь не десять лет, почти вся твоя жизнь рядом с ним, можно и устать.

С Бегуновым мы вместе (пауза) тридцать четыре года! И знаешь, наконец-то мы научились конфликтовать с ним продуктивно! Пришло понимание того, что просто ругаться — это бессмысленно. Назревает конфликтная ситуация, и ты думаешь, как ее можно обратить в пользу, не в свою даже — группы. И вот такие продуктивные ссоры чаще всего бывают именно с Бегуновым. А вообще «Чайф» давно уже не группа, а семейный подряд такой (смеется), это и семьи наши знают… В субботу собираются все к кому-нибудь на дачу, и уже понятно, что приедут не одни, а с чадами и домочадцами… То есть, такие родственные связи, в которых есть всё, и ссоры даже, и претензии друг к другу, как при любых семейных отношениях.

Вы постоянно записываетесь, ваша дискография — 20 альбомов, красивая цифра. А есть те, которые тебе очень важны лично?

Официально 35 релизов (смущенно краснею — А. М.). А для

меня самого… «Не Беда», «Дети Гор», «Время не Ждет», «Реальный Мир», ну, и всё «Оранжевое Настроение».

Что ты почувствовал, когда вышла первая пластинка, не магнитоальбом, а вот нечто такое виниловое, даже не CD? Это ведь совершенно мистическая вещь — винил…

Это была «Не Беда», я уже говорил тебе, что вышла она в 1989 году на ленинградском отделении «Мелодии», а печатали ее все четыре завода, каждый по 250.000 экземпляров. И можно было ее купить в каждом городе, в любом музыкальном магазине. Это для нас значило больше, чем, скажем, присвоение звания «Народный артист» (смеется). Заплатили нам только за фонограмму, типа за ее выкуп, какие-то смешные даже по тем временам деньги, ни о каких потиражных речи и не было, но мы даже не парились на этот счет. У меня она до сих пор есть, и дома, и здесь, в студии. И сейчас ее можно в специализированных магазинах, где винил продают, найти, стоит долларов 10–15 в среднем.

И про песни: говорят, что ведь все они уже написаны, только их надо услышать и перевести на язык людей. Кому-то они приходят во сне, как «Satisfaction» Киту Ричардсу, кто-то должен долго сидеть и пытаться поймать песню, как тень от бабочки. Как ты работаешь? Точнее, как они, песни, приходят к тебе?

У меня это в голове все давно сложилось, то есть то, как это происходит. Хорошая мелодия ведь уже существует где-то, это все сочинители знают. Но вот представь: ты выезжаешь в чистое поле, у тебя с собой радиоприемник, включаешь его и начинаешь крутить ручку, обшаривая диапазоны. Что-то щелкает, треск, шуршание, и вдруг — бах, песня! Есть люди, у которых такой радиоприемник встроен в голову, и вращение этой ручки настройки диапазонов у них происходит постоянно, главное, насколько мощный этот приемник и насколько широк диапазон, который он захватывает. Музыка — это божественная волна, стихи можно сочинить, а музыку только услышать!

Вы объездили всю страну. Публика отличается? Где вас принимают лучше всего?

Вообще рок-музыка — это музыка больших индустриальных городов, чем больше город, тем играть легче, чем меньше — тем сложнее. Самые трудные концерты… Ну представь маленький

такой городок, чуть ли не поселок при леспромхозе, директор там или хозяин которого очень любит группу «Чайф», такое бывало. И вот он приглашает нас, решив устроить подарок и себе любимому, и всему леспромхозу. В зале не только лесорубы, но и их семьи, с детьми и с бабушками-дедушками, которые на первых рядах. И никто из них, кроме самого директора-хозяина, понятия не имеет, что это за зверь такой — группа «Чайф». Вот играть для них — это самое сложное, но и реакция у них максимально объективная, как они тебя видят, так и воспринимают, если просят на бис, то можно гордиться!

Самый запомнившийся концерт — был такой? Или их несколько?

Концерт в Чечне, в 1997 году, когда нас с Бегуновым пригласили туда вдвоем. Мы сыграли несколько плановых концертов, и тут нам говорят, что вот 14 десантный батальон только что вышел из боя, понеся большие потери, не можем ли мы сыграть им? Происходит все в такой палатке-столовой, входят мальчишки, грязные, с испуганными глазами, не понимающие, за что совсем недавно погибли их друзья, и понимаешь, что картинка эта совсем другая, чем в телевизоре, в выпуске новостей. Что им играть? Грустное? Им и так хреново. Веселое? Да какое тут веселье! И начинаешь переоценивать все песни. Я этот концерт на всю жизнь запомнил!

Если бы ты мог на один из юбилейных концертов собрать сборную группу, к основному составу «Чайфа» добавить еще несколько музыкантов из разряда наших звезд, кого бы ты пригласил?

На самом деле это все происходило вот этим летом, в Самаре, мы играли в одном концерте с «Аквариумом». Стоит за кулисами с БГ, я говорю ему: «Боря, а давай, споем „Молодую Шпану“»? А он отвечает: «Давай!» Потрясающее ощущение. Пели и с Макаревичем, и с Вороновым, и с Галаниным. В Уфе на концерт пришел Юрий Юлианович Шевчук, он тогда там был, отдыхал на родине. Вышел на сцену и спел с нами «Ой-йе». С Бутусовым на сцене были вместе и пели, с Настей Полевой. Ну, и тот старый клип на песню «Все Это Рок-н-ролл», который Гарик Сукачев замутил, там ведь все были, на самом деле все!

А с кем из музыкантов мирового уровня ты хотел бы поиграть? В порядке бреда вопрос, как говаривал Бродский. Что с живыми, что с мертвыми, представь, что все возможно.

(Долго смеется). Я с удовольствием постучал бы на бубне в одном из новоорлеанских джазовых оркестров 20-30-х годов. В таком уличном, негритянском оркестре… Поиграл бы на третьей ритм-гитаре хотя бы пару песен с The Rolling Stones. И подержал бы микрофон Дэвиду Боуи, просто подержал!

Ты уже стал дедом, как тебе в этом качестве?

Комфортно! У меня две внучки, и я получаю огромное удовольствие от общения с ними. На самом деле для меня это прекрасная возможность наверстать все то, что я упустил, когда росли мои дочери, ведь когда надо было играть с ними, то я играл музыку, да еще статус деда не подразумевает никакой ответственности, что тоже приятно (смеется)!

А что ты будешь делать, если вдруг решишь выйти на пенсию? Ловить рыбу? Запускать воздушных змеев? Вообще, что делают рок-музыканты, когда перестают играть на сцене? Или ты даже не хочешь об этом думать? То есть longliverock'n'roll?

Мне кажется, что я пойду на пенсию тогда, когда у меня будет план, то есть появится что-то более интересное, чем занятие музыкой. А пока этого плана нет, то я буду ей заниматься!

Я вспомнил про это интервью, пытаясь точно определить дату той самой поездки в Челябинск, которая отчасти превратилась в сплошное безумие. По одним источникам это конец 1985 года, по другим — зима 1986-го, мне кажется, что это было в 1986-м, но уже ближе к весне, когда снег тает и проседает по обочинам. Но не это ведь важно, а то, что в каком-то невнятном месте, в заводском клубе на самой окраине Челябинска ждали выхода на сцену ребята из «Чайфа» и из «Наутилуса». Почему-то мне кажется, что именно тогда я и услышал в первый раз песню про ободранного кота, которая меня сразу зацепила.

Зачем я поехал в Челябинск? Да за тем же, зачем выполз на сцену и перед первым концертом «Чайфа» в МЖК — представить группу. Почему-то казалось, что это необходимо, ну, а мне сделать это было не сложно.

«Наутилусы» закрывали сет, «Чайф» был вторым. Челябинцы отыграли, здесь их любили, наших встретили настороженно, но вскоре все как-то изменилось — то ли Володя вдруг понял, как

надо обращаться с этой публикой, то ли просто возникла определенная магия, но свой сет ребята отыграли уже под шквал аплодисментов, слышались крики одобрения. Вова Синий с приятелем уже покинули помещение заводского клуба, пора было уступать место «Наутилусам». Ну, а какой песней «Чайф» закончил тот концерт? Скорее всего, это был «Рок-н-ролл Этой Ночи», не песня даже, взрыв мозга:

Рок-н-ролл этой ночи У-у-у-уу
О, рок-н-ролл этой ночи У-у-у-уу
Я думал, будет хорошо
А вышло не очень!

Эту песню хорошо подпевать из зала, колбаситься под нее, корчить рожи и ощущать себя предельно счастливым. Вот чем хорош «Чайф» — это почти всегда музыка счастья!

Ну, а потом на сцену вышел мрачный Бутусов, и настало совсем другое время…

А во времени «Чайфа» концертом в Челябинске была взята очередная вершина, хотя совсем скоро ожидался штурм очередной, намного более серьезной и ответственной. В июне планировался первый фестиваль Свердловского рок-клуба, и «Чайф» должен был заканчивать первый, премьерный день.

Псы с городских окраин-2

Тот июнь выдался типично уральским. Никакого кайфа — средняя температура по погодной больнице была в районе +18º по Цельсию, с неба то капало, то крантик перекрывали, но облака никто разогнать не додумывался, было серо и волгло, хотя у той небольшой части жителей столицы Среднего Урала, что собирались на предстоящий фестиваль, все внутри горело и клокотало. А как иначе?

Фестиваль должен был начаться 20 июня, в пятницу, а закончиться 22-го, как раз в день рождения Шахрина. «Чайф» были заявлены на первый день, в самом конце программы, после группы «Флаг», кроме них ждали выступлений «Трек» (судя по доступным источникам) и кто-то еще, кого сам я просто уже не могу вспомнить.

На самом деле, в тотализатор тогда никто не играл, но на «Чайф» даже в разговорах сильно не ставили: ну, есть такие, ну, лажанулись недавно крепко (в январе был концерт типа мини-фестиваля в одном из проектных институтов, так «Чайф» блистательно завалил то выступление, аж вспоминать тошно), а что здесь будет… Да скоро услышим!

Кто же из групп интересовал рок-тусовку и любопытствующую публику больше всего? Да «Наутилус», конечно же. А еще — «Урфин Джюс». Ну, и тот же «Трек». И какие-то неведомые проекты, о которых лишь говорили в кулуарах, но которых никто не слышал. Так, басист «Трека» Скрипкарь должен был представить свою группу «Кабинет». Барабанщик того же «Трека» Женя Димов — группу «Степ», в которой, по слухам, пел САМ Бутусов, а что это за крышеснос — погодите, услышите! Ну, и Настя со своей сольной программой, песнями, тексты к которым написал Илья Кормильцев, а музыку — она сама. Собственно, это должна была быть «живая» премьера будущего альбома «Тацу».

К вечеру так и не распогодилось, и начали, как и положено по всем рок-правилам, с задержкой. Не на час, конечно, но почти на час, что было еще терпимо. Я был членом жюри, торчать за длинным столом было скучно. Я слушал пару песен и уматывал то на улицу — покурить, то за кулисы — потрепаться и хватануть адреналина, его там было намного больше, чем в зале. Но самое главное я застал.

Когда начала выступать группа «Флаг», третьей по счету, ее лидер Сергей Курзанов сделал объявление, сообщив залу, что сейчас будет поднято боевое знамя Уральского рока. На сцену опустился красный флаг с серпом и молотом, обугленный снизу и как будто расстрелянный пулеметной очередью. Сами музыканты держали гитары наперевес, как автоматы. В зале, где находились несколько сотен человек, в том числе комсомольские активисты и сотрудники органов, погас свет. Затем кто-то из администрации клуба сорвал флаг, после чего свет включили, а «Флаг» попросили покинуть сцену. Администратор рок-клуба, поэт и переводчик Саша Калужский (проживающий ныне в США) объявил о том, что по просьбе членов жюри и музыкантов клуба группа «Флаг» на полгода отстранена от членства за «антисоветские настроения».

И «Чайф» начал готовиться к выступлению. Я же опять унесся как электровеник за кулисы, где меня выловил Илья Валерьевич Кормильцев, бывший в тот день даже в галстуке — таким торжественным я его еще никогда не видел. Все происшедшее на сцене сильно вштырило автора бессмертной песни «Скованные Одной Цепью», он несся по проходу за сценой, размахивал руками и кричал: «Политика, политика!»

Сейчас я отчетливо понимаю, что уже в тот момент за его спиной начало мелькать еще нечитаемыми иероглифами его, Ильи, будущее, этакий мене, мене, текел, упарсин.

И тут донеслись первые аккорды. Илья поправил галстук, развернулся и побежал к ближайшему выходу в зал. Я — за ним.

«Чайф» уже рубил не на шутку. Перед нами на сцене была машина, готовая к одному — к победе. На словах про ободранного кота зал уже лежал вверх брюхом и позволял делать с собой все, что угодно! На «Скотине» из закулисья к микрофону выполз тощий Умецкий, которого все любили, и этот его выход добавил происходящему еще драйва. Была объявлена премьера новой песни «Белая Ворона»:

Твой отец — приемщик стеклопосуды
Твоя мать — уборщица в посольстве
Он сын твоего отца, но тебе не брат
Дура, ты решила жить с ними по совести

ААА — ААА!!!

Белая ворона!
Белая ворона!

Тебя они опять пригласили на флэт,
Неужто на этом свихнулся весь свет,
Все трое захотели остаться с тобой,
Ты послала их на, убежала домой.

ААА — ААА!!!
Белая ворона!
Белая ворона!

Они красивые парни, мужчины что надо,
На работе дерьмом марают бумагу,
Их подруги-заразы, все лезут в артистки,
Запишись им назло на курсы трактористок.

ААА — ААА!!!
Белая ворона!
Белая ворона!

Слава слушает Севу, Дима с Витей — ВВС,
Они знают все, о чем не спроси,
Тебе противно то, о чем они говорят,
Приходи ко мне ночью — будем слушать «Маяк».

ААА — ААА!!!
Белая ворона!
Белая ворона!
Белая ворона!
Белая ворона!

Не исключаю, конечно, что это тоже аберрация памяти, и песня была написана уже после фестиваля, но главное — что она есть, и мне вот стопроцентно кажется (смеюсь от словосочетания), что услышал я ее впервые именно на фестивале. А еще в одной из песен Владимир Сергеевич Бегунов играл на балалайке, и это было круто! Закончилось же все, как и положено, «Рок-н-роллом Этой Ночи», и зал уже окончательно сошел с ума. Это была полная, безоговорочная победа. Рок-сообщество города Свердловска капитулировало. По итогам фестиваля «Чайф» вошел в тройку лучших групп, а незадолго до закрытия всей честной публике был еще сделан именинником Шахриным подарок.

Не знаю, когда они договорились с Перовым, но вот договорились, порепетировали как-то тайно, а тут вышли на сцену и сыграли почти всю «Волну Простоты». Занавес. Фестиваль закончился. Музыканты убирают инструменты, туша нет.

На следующий день над городом было солнце.

Псы с городских окраин — 3

Для меня история раннего «Чайфа» закончилась в июне 1988 года, когда я съездил с ними на странные и не состоявшиеся концерты во Владивосток. До этого, впрочем, ребята многое успели.

Произошла первая основательная, хотя еще далеко не окончательная смена состава. Случилось это во время поездки в город Казань, куда «Чайф» после триумфального выступления на рок-фестивале, вместе с «Урфин Джюсом» пригласили на короткую гастроль. Хотя, не исключено, что я опять путаюсь в датах, впрочем, нет ведь большой разницы, что и когда было, как известно, от перемены слагаемых сумма не изменяется, а знак равенства завсегда означает ту самую суть, которая приоткрывает будущее.

Была зима, хотя на Урале, как говорят, она порою до июля. А потом — снова.

Может, пронизывающий холод и валящий без перерыва еще со вчерашнего вечера снег оказали свое воздействие, но господа Бегунов и Решетников опоздали на поезд. Так что в столицу Татарстана отправилась группа «Урфин Джюс» в полном составе и Шахрин с Лешей Густовым, который вот уже почти год как был персональным звукооператором «Чайфа» — у хорошей группы должен ведь быть свой звукооператор.

Густов — человек уникальный. Как он возник из временно-пространственного небытия и стал одним из поклонников чая — отдельная история. Но работу он свою знал хорошо, ручки на пульте крутить умел, в музыке понимал, да еще паяльника при надобности не чурался и мог подлатать переставшую вдруг пахать аппаратуру, что называется, сходу.

К началу первого концерта ни Бегунова, ни Решетникова в Казани еще не наблюдалось, надо было что-то делать, и тогда вдруг образовался супер-странный и удивительный состав: Шахрин (гитара + губная гармоника), Антон Нифантьев (бас), Пантыкин Сан Саныч (клавиши) и Владимир Назимов (барабаны). Зема (Назимов) уже играл с «Чайфами» на фестивале, не исключено, что именно его участие в том выступлении и превратило расхристанный и плавающий звук в тот снаряд, который смел зал. Что было в Казани — не знаю, сам там не был,

но точно могу сказать, что плохо это не могло быть по определению. Пантыкин — потрясающий инструменталист, знающий клавиши любые от и до. И заменить клавишами отсутствующую вместе с Бегуновым гитару он мог на все сто. Ну, а Зема привык с ним играть за все годы работы с «УД» и уже понимал, где и что надо акцентировать. Так что явно участие этих двух монстров свердловского рока привнесло в работу «Чайфа» в тот первый казанский вечер новые мотивы и нотки, что-то где-то приглушило, что-то — акцентировало. В общем, зал был покорен.

Хотя следующее выступление, уже с приехавшими «потеряшками», было, по свидетельству того же Густова, не слабее, оно просто был другим, типично чайфовским выступлением того времени. Точнее о тех выступлениях все в той же книге Лени Порохни:

«10 января чайфы, группа Белкина и „Нау“ были в Казани, но без Бегунова и Решетникова, не то на поезд опоздали, не то весь поезд опоздал. А концерт, первый платный концерт в их жизни, был назначен на 15:00. Выручили Зема с Пантыкиным.

Сашка Пантыкин и Вова Назимов, два несгибаемых урфинджюса, были „профи“ очень высокого класса, но не это главное, им программа понравилась. И чем дальше разбирались, тем больше нравилась. „Ух, интересно с шахринским репертуаром, — записал в дневнике Пантыкин, — такое море возможностей!“. За полтора часа до концерта уселись в ужасно холодной комнате № 48, „Пантыкин достал свою знаменитую амбарную тетрадь, сказал: „Тональность!“ — рассказывает Назимов, — гармонии выписал, мы так и отлупасили весь концерт. Там два аккорда, соло играть, кроме Сашки, некому, ну, он и лепил горбатого… Я страшно перся!“. „И отыграли — полный класс, так что Пантыкин хоть чуть-чуть, но имеет отношение к группе „Чайф““ (Шахрин).

Бегунов с Решетниковым подъехали к вечернему концерту, он вышел средним, но на следующий день сыграли два очень боевых, в последнем к ним на пару вещей присоединился Пантыкин, которому в тот день исполнилось 30, о чем Шахрин объявил в микрофон…».

Вскоре Решетников, в самом не подходящем для этого месте — в трамвае, сказал Шахрину, что больше играть в группе не будет, мол, это не его.

Но Казань — это еще не все.

Более знаковой была поездка в Питер вместе с «Наутилусом».

В начале апреля должен был состояться выездной пленум Союза композиторов СССР, на котором будут обсуждаться вопросы молодежной музыки. Мало того, для участия в пленуме в Ленинград приглашались свердловские рок-группы, «Наутилус» и «Чайф». Разумеется, среди ответственных лиц немедленно начались разговоры на тему: «А достойны ли данные представители?». «Нау» был, судя по всему, достоин, с «Чайфом» началась непонятица, в которую с жаром включился Егор Белкин. Он ужасно хотел ехать в Питер, а его, как назло, не звали. Егор принялся Шахрина уговаривать добровольно от поездки отказаться, тот отказался отказываться… А тут беда — «Чайф» без барабанщика! «Не помню, как у нас хватило наглости предложить поиграть Назимову Вовке, — рассказывал Шахрин, — на то время он был очень известный, очень профессиональный, в общем, лучший барабанщик в городе». Наглости хватило, предложили. Зема согласился.

Каким-то макаром Егор Белкин тоже оказался в списке приглашенных на пленум, но самолет с Лешей Могилевским и его волшебным саксофоном опоздал, так что «Чайф» отдувался на первом концерте один. И отдулся, да так удачно, что после концерта был позван группой «Объект Насмешек» в гости и провел чудный панковский вечер, потому как Рикошет с компанией посчитали их своими братьями-панками.

Третье апреля плавно перешло в четвертое, выступили «Нау», хуже, чем могли, но все равно вызвали фурор, Белкин провалился, увы, а потом все отбыли обратно, в Свердловск.

В конце мая — 2 фестиваль рок-клуба, потом редкие поездки с концертами, ну, а в сентябре группа села на запись и записала два прекрасных альбома, «Дерьмонтин» и «Дулю с Маком». Записаны оба были за 13 дней, с10 по 23 сентября 1987 года.

Происходило все это в странном месте, оркестровой комнате в ДК «Уралобувь». Большая такая комната, обитая тканью, на стенах инструменты для духового оркестра, которого нет в принципе. А еще есть два восточнонемецких комбика «Vermona», барабаны «Amati», пульт какой-то… Сказка, одним словом!

«Работалось здорово, само катилось. А в конце выяснилось, что песен очень много, и они сами собой делятся на два разных альбома. Мы страшно удивились. Писали один альбом, а выяснилось, что два, они разные даже по звуку» (Бегунов).

Первый сам собой назвался «Дуля с Маком», второй получился диковатый, почти панковский, но никак не назывался, пока не пришел Бегунов и не заявил: «Дерматин». Ему сразу сказали, куда забить такое название, но Бегунов закричал: «Ты не слушай, ты читай!». И вот этот-то альбом удостоился особой чести — попал в эталонную книгу Александра Кушнира «100 магнитоальбомов советского рока», в раздел «1987», вот что о нем написано:

«„Мы как-то не умеем в студии работать, — признавался в те времена Шахрин. — Я могу спеть в зале более эмоционально, чем „в стену“. Я просто не могу себя заставить петь перед стеной!“

В начале осени 1987 года психологическую проблему студийных казематов группе наконец удалось решить. Произошло это не без помощи звукооператора Алексея Густова, организовавшего запись нового альбома „Чайфа“ в пыльном, но просторном подвале одного из свердловских домов культуры. Вокруг стояла жуткая духота, в конце августа в здании для профилактики включили отопление, но „Чайф“ не могло остановить даже землетрясение.

„В тот момент очень многое совпало: наша врожденная борзость, оптимизм, вера в себя, — вспоминает Бегунов. — Это был наш самый мобильный звездный состав. Не в плане рок-звезд, как это сейчас называется, а в плане того, что мы безумно нравились друг другу, и нам жутко нравилось вместе играть“.

В отличие от наркологических сессий большинства современных рок-групп единственным стимулятором „Чайф“ в процессе этой работы был т. н. „чай второго сорта“, мерзостный вкус которого попросту не поддается описанию. Этот „напиток богов“ заваривался в кофеварке „Бодрость“, обладавшей уникальной способностью превращать любое дерьмо в отменный сургуч. Не случайно в аннотации к альбому не без иронии упоминались Зугдидская чаеразвесочная фабрика и чайный завод имени Зураба Соткилавы.

Несмотря на то, что вся обработка звука производилась на шипящем эквалайзере „Электроника“ и пружинном реверберatore „Tesla“ (внутри которого периодически происходили микровзрывы), „Чайф“ умудрялся добиваться вполне пристойного гаражного звучания. На пленке оказался зафиксирован максимализм и юношеский задор людей, которые никого и ничего не стеснялись, а просто рубились в студии насмерть. Глаза музыкантов полыхали бешеным огнем, дыхание учащалось, организм излучал энергию, а большинство композиций было пропитано бесшабашной удалью и здоровым стебом. „Там действительно получилась живая музыка, сыгранная очень искренне и пронзительно, — вспоминает Алексей Густав, для которого это был звукорежиссерский дебют. — Такого простого и энергичного рок-н-ролла тогда у нас было очень мало. Энергия в студии била через край, и когда настало время сводить альбом, мне пришлось выгнать музыкантов из подвала — во избежание кровопролития на тему „почему не слышно мой инструмент?“. И буквально за три дня я с Нифантьевым все это веселье смикшировал“.

За неполные две недели группе удалось записать около двух десятков композиций, которые затем были разделены на два альбома — „Дерьмонтин“ и „Дуля с Маком“. Первый из них получился более впечатляющим и со временем стал классикой раннего „Чайф“. Название придумал Бегунов, умышленно написавший слово „дерматин“ с тремя орфографическими ошибками.

„Возможно, „Дерьмонтин“ оказался таким рок-н-ролльно-разгильдяйским альбомом, потому что отражал наше отношение к окружающему миру, — говорит Шахрин. — Мы в то время еще работали: кто в ментовке, кто на стройке, но изнутри нас все достало до крайней точки, и поэтому протест, который присутствует на альбоме, совершенно искренний. Из нас это перло на каждом шагу.

Сегодня мы уже не пишем подобных песен, потому что это будет вранье. А тогда все это было очень честно“.

Открывался альбом рок-н-ролльным „ванькой-встанькой“ — подъездной по духу композицией „Шаляй-Валяй“. „Мы не будем больше пить, материться и курить“ — и все это на фоне звона стаканов, сдавленного смеха и вполне различимых реплик: „хлебу-то дайте!“. Дальше — больше.

„Пост-бит-недо-панк“ в версии „Чайф“ был представлен несколькими рок-н-роллами („Четверть Века“, „Рок-н-ролл Этой Ночи“), псевдонаркоманской лирикой („Гражданин Ширяев“), панком („Белая Ворона“), ритм-энд-блюзом („Твои Слова“) и распевными фолк-песнями („Вольный Ветер“, „Вместе Теплей“, „Шаляй-Валяй“), наиболее достоверно отражающими такое аморфное понятие как „русский рок“…

…В завершении рассказа о „Дерьмонтине“ нельзя не упомянуть еще два эпизода, отражающие моральный дух группы в те времена. Дом культуры, в котором происходила запись, принадлежал заводу „Уралобувь“ — передовому соцпредприятию, прославившемуся на всю страну своими кирзовыми сапогами. Найденный Густавом подвал формально служил репетиционной базой для духового оркестра вышеназванного завода. Обнаружив в подвале оставленную „духовиками“ трубу, Шахрин, который весьма смутно представлял технологию использования духовых инструментов, дунул в нее так, что все вокруг стало рушиться и падать, включая Бегунова, который чудом не сломал себе ногу.

Шахрин был человеком без комплексов. Одухотворенное соло на трубе в „Гражданине Ширяеве“ незатейливо переходило в автономный инструментальный номер „Балалайка-Блюз“, во время которого идеолог „Чайфа“ излил всю свою душу.

Поскольку не все в группе одинаково уверенно владели инструментами, дефицит мастерства „Чайф“ с немалым успехом компенсировал самоотдачей и дерзкой непосредственностью. Что касается „профи“ Назимова, то когда при температуре 30 градусов от него стали требовать играть в бешеном темпе „под панк“ „Белую Ворону“, он, предвидя конечный результат, неожиданно забастовал.

„Из вас Sex Pistols, как из дерьма пуля, — беззлобно огрызался он, сидя в душной кабине, завешанной шторками и рейками.

— Ну будьте же вы реальными людьми!“

В итоге „Белая Ворона“ (с фразой „приходи ко мне ночью, будем слушать „Маяк““), окаймляемая мелодией из наутилусовского „Алена Делона“, записывалась следующим образом. Гитары играли быстрее, чем надо, барабаны замедляли

темп, не успевая ввязаться в подобную мясорубку, а бас Нифантьева безуспешно пытался сгладить очевидные темповые диспропорции. Со стороны это выглядело как безумная пародия на панк, воспринимавшаяся однако участниками записи как нечто вполне самодостаточное и аутентичное.

„Для „Чайфа“ в тот период сложные ритмы были такой же неразрешимой проблемой, как и теорема Ферма, — вспоминает Назимов. — Для них „другой ритм“ и „другой гимн“, отличный от четырех четвертей, означал немалые муки. Я с немыслимыми боями добился усложнения ритмического рисунка в песне „Вместе Теплей“. И когда они в очередной раз ошиблись, сказал: „Ребята! Я вас поздравляю! Музыка King Crimson вам не грозит! “

Никто из музыкантов на подобные реплики не обижался. С юмором, в отличие от сыгранности, проблем у „Чайфа“ не возникало никогда».

…Я был в том жарком подвале. Густов позвал меня послушать материал, было душно, хотелось на улицу. Но материал не отпускал, как не отпускает он и сейчас, когда внезапно я вдруг начинаю его переслушивать — такое бывает, как и со всей старой музыкой!

А в «Чайфе» опять случились перемены. Как раз осенью барабанщик «Чайфа» Алик Потапкин ушел в армию, и Зему позвали на его место. Назимов не согласился: будучи профессионалом, он хорошо представлял то будущее, какое ему может предложить «Наутилус», и какое — «Чайф». Вот только для «Наутилуса» наступали невнятные времена, которые привели к нескончаемой смене составов, а потом и ликвидации группы. «Потом я думал, — говорит Назимов, — играл бы в „Чайфе“ — до сих пор бы играл». Но надо было что-то делать с «Чайфом». Не мог Зема просто так взять, сунуть палочки за ремень и уйти. И он, будучи чуваком классным и порядочным, привел на свое место Игоря Злобина, который сел за барабаны «Чайфа» на несколько ближайших лет. И не просто привел: показывал ему партии, натаскивал, подсказывал, передал ему эстафету и удалился в кубрик подводной лодки.

Злобин действительно был парнем прикольным, хотя и мажористым, но это не мешало ему нормально сойтись с ребятами совсем иного социального происхождения и круга общения. Близко я познакомился с ним уже во время пресловутой

поездки во Владивосток, куда Шахрин позвал меня, зная, как мне хочется опять побывать в городе своего отрочества. Это была вдобавок и последняя поездка с Густовым, который и сейчас далеко не прост, а по молодости так вообще был ну очень сложным, как и большинство из нас. Ну, и именно Густов поучаствовал с нами во Владивостоке, со мной и с Шахриным, в одном небольшом и увлекательном приключении.

Так получилось, что мы решили воспользоваться любезностью одного из моих дальневосточных родичей, предложившего совершить однодневный круиз по Амурскому заливу на яхте. Яхта называлась «Плутон», была приписана к Тихоокеанскому высшему военно-морскому училищу, где мой родич преподавал что-то очень секретное. Яхта была водоизмещением в четверть тонны, имела кубрик, но не имела гальюна; в экипаж ее в тот день входили капитан первого ранга (мой родич, который руководил всем процессом), капитан второго ранга (который отвечал за паруса), капитан третьего ранга (который отвечал за рыбалку, а также за маршрут и его прохождение, то есть был у руля) и младший брат капитана третьего ранга, который отвечал за все остальное, то есть был юнгой тире мальчиком на побегушках.

Мы вышли из Спортивной гавани, потом попали в штиль, потом дождались ветра, а параллельно научились оправляться с борта. Заодно мы ловили камбалу, позже мы еще раз ловили камбалу (уже в другом месте), еще позже мы снова ловили камбалу (большую, в третьем месте), а потом мы подошли к берегу Русского острова.

Стоял восемьдесят восьмой год, и Русский остров был закрытой военной базой. На мачте нашей яхты развевался вымпел Военно-морского флота, но документов о том, что нам можно подходить к берегу закрытой военно-морской базы, не было. Но мы пристали; капитаны стали варить уху, а мы — Шахрин, Густов и я — все-таки сошли на этот закрытый военно-морской берег.

Тут и произошло уже упомянутое приключение. Пока мы с Шахриным бродили по мелководью и ловили черных и длинно-игольчатых морских ежей, морских же, соответственно, звезд и собирали какие-то ракушки, которые должны были развлечь в сухопутном Екатеринбурге наших малолетних тогда детей, Густов пошел в прибрежные заросли лимонника и прочей сверхгустой растительности, покрывавшей остров.

Пошел и пропал.

Уже капитаны пришли за нами на берег, говоря, что уха готова, пора ее съесть и идти (яхта не плывет, она ходит) обратно в Спортивную гавань города Владивостока, только где вот этот ваш, длинный, лохматый и тощий?

Длинного, лохматого и тощего не было поблизости.

Капитаны напряглись — как раз в это время (что-то около пяти то ли шести вечера) по близлежащим сопкам должен был шастать патруль, неподалеку находились и знаменитые ныне артиллерийские склады, и столь же теперь знаменитый местный дисбат. Капитаны же были в чинах и уже не очень трезвые, да еще и без разрешения приставать к острову. И нам всем надо было обратно на яхту, а Густов…

Густов пропал.

Кричать его было нельзя — могли услышать, а найти в непроходимых зарослях лимонника и прочей приморской растительности — невозможно. Оставалось одно: ждать — до сумерек, до подхода патруля, до ареста и помещения всех в местную каталажку.

Капитаны напряглись еще больше, но тут из зарослей, отчего-то отфыркиваясь, как тюлень, выплыл Густов. Выплыл и сказал, что, мол, упал в яму и долго не мог выбраться. Шахрин посмотрел на него долгим и тяжелым взглядом, который не предвещал ничего хорошего, но капитаны, крепко матюгнувшись, быстренько повели нас на яхту, настороженно озираясь по сторонам.

Бог миловал, мы съели уху и пошли обратно. Поднялся ветер, качало яхту, качало нас; приключение осталось без последствий.

Между прочим, в какую-то нашу встречу Густов убеждал меня, что ни в какую яму он не падал, а убегал по склону сопки от патруля, хотя мне кажется, что вариант с ямой более реален, ибо Густова в яме я могу представить, а скачущим, как Рэмбо, между густыми зарослями — нет.

Хотя какая разница — была яма или ее не было, просто еще тогда, на берегу, когда взволнованные капитаны торопили нас

скорее убираться на яхту, а Шахрин посмотрел на Густова этаким долгим и тяжелым взглядом, мне показалось, что отношения их в дальнейшем ничем хорошим не закончатся.

Высушенный же, но все еще покрытый длинными и черными, хотя от времени и ставшими хрупкими и ломкими иголками морской еж, извлеченный в тот день из воды у берега Русского острова, все еще украшает одну из моих книжных полок.

…Иногда мне кажется, что именно в тот день, на борту малюсенькой яхты «Плутон» в голову Шахрина и пришла идея акции, получившей потом название «Рок чистой воды», после чего судьба «Чайфа» опять изменилась, да и вообще все для них изменилось — они познакомились и стали работать с Димой Гройсманом.

Лихие девяностые-1

Время шло, но как-то все было странно. Прямо по тексту Шахрина: «Я думал, будет хорошо, а вышло не очень»… Вроде бы, вот она, свобода, но что-то не так уж много концертов, как хотелось бы, и опять все смутно и неясно, и возникает вопрос — что делать дальше?

Да еще стали уходить друзья. Первым, в 1988 году — Саша Башлачёв. В 1990-м — Цой. Ну, а в самом конце августа 1991 года — Майк. («Чайф», кстати, прекрасно играет каверы на его песни, особенно аутентично и возбужденно у них получается «Пригородный Блюз № 1»).

Страна менялась и изменилась. Менялось все и в «Чайфе». Менялись люди, появлялись новые альбомы.

Пришедший в группу Злобин потянул за собой и гитариста Пашу Устюгова, привыкшего играть хард, звучание «Чайфа» стало заметно тяжелее, слышно это особенно хорошо на зальном альбоме «Лучший Город Европы». Записан на благотворительных концертах в свердловском Дворце Молодежи, кроме песни «Лучший Город Европы», записанной на свердловском телевидении. Альбом был выпущен на магнитной ленте. Тираж составил 500 коробок, каждый экземпляр включал в себя буклет, фотографии и рецензии на песни. Издавать альбом «Лучший Город Европы» на компакт-диске группа не планирует, так как треки с него включены бонусами в CD-версии альбомов «Дуля с Маком» и «Дерьмонтин».

В 1989 году из группы ушел Леша Густов, в качестве оператора его заменил тоже Леша, но Жданов, на какое-то время за пульт можно было не беспокоиться. Но тут опять встала проблема с барабанами. Злобин на самом деле не очень любил рок-н-ролл в том первозданном его виде, к которому тяготел тогдашний «Чайф». Да и сманил его в группу на свое место Назимов из культовой свердловской команды «Апрельский Марш», которая действительно была намного ближе к King Crimson, чем к тем Sex Pistols. И решил Игорь Злобин, что с него хватит.

И тут возник из временно-пространственного небытия Валера Северин. Для Шахрина он был «свой» — дружили еще в армии,

потом встречались время от времени. Вова знал, что на Северина можно положиться, а в тот момент это было очень важно. К тому же, Северин был опытный музыкант. Со стажем.

Происхождение свое ведет Валера из шахтерского поселка 3-й Северный, бокситовые рудники недалеко от городка Североуральска. Поселок — тысяч пять населения, рабочие на шахте и «обоз» при ней. Горы, лес, красиво… В местном клубе лет в пятнадцать Валера в первый раз исполнил на танцах «Шизгару» на «сингапурском языке» (это очень похоже на английский, но самодельное). Что простительно, поскольку занимался Валера не музыкой или иностранными языками, а боксом. Потом учился в Североуральске в ГПТУ-31 по специальности шофер-автослесарь, а в родном 3-м Северном был, естественно, руководителем ансамбля. На ритм-гитаре играл.

В 1976-м его забрали в армию, тут все и началось. Во-первых, Валера не стал получать диплом с шоферской специальностью, потому что оказался бы с дипломом в автобате, а хотел играть в ансамбле. Только нот не знал. «И поехал я на Дальний Восток, ехали до Благовещенска суток шесть, за это время я сам для себя на листочках расчертил нотный стан и стал учить ноты»… Так в поезде ноты выучил. И с некоторыми приключениями попал-таки в оркестр.

«„Мне дали валторну, — рассказывает Валера с недоумением, — это такой странный инструмент: три клавиши и совсем мало позиций, играешь не пальцами, а передуванием. Не пошло, пересадили на корнет, на котором я выучил четыре марша и гимн Советского Союза. Потом губы в кровь пошли — зубы неровные — для духовика полная лажа, как их ни напрягай, нота не держится“. Пришлось три месяца осваивать кларнет, а тут барабанщик на дембель ушел, оказался Северин барабанщиком.

Худо-бедно до дембеля добарабанил, и возникла перспектива вернуться обратно на 3-й Северный. „А там одна стезя: идти работать по стопам родителей, танцы бы поиграл года два — женился — шахта — все. А в Благовещенске было музучилище с оркестровым отделением, и мы с друзьями решили остаться в оркестре на сверхсрочную и поступить в училище. Осенью решили, подписали контракт на два года, а тут заочное отделение в музучилище закрылось за неимением студентов“…

Деваться некуда, и через год Валера оказался старшиной в Ансамбле песни и пляски Краснознаменного Дальневосточного

пограничного округа. А там Шахрин, молодой и худенький. Подружились. Правда, Северин был старшиной, т. е. начальником, но „я человек невоенный, старшина из меня был хреновый, сразу дал панибрата, стал общаться с подчиненными, за что от начальников получал в устном и в письменном виде… Бегунова помню эпизодически, он заходил, ко мне обращался: „Товарищ старшина, можно пройти?“ — „К кому?“ — „К рядовому Шахрину“ — „Проходи!“. Я ему проходить разрешал, но особо мы не контачили. А Вовка уже тогда песни свои показывал, но я ни одной не помню“.

На дембель с Шахриным ушли вместе — и разошлись. В 1981 году Северин поступил в училище им. Чайковского. На барабаны. И в ресторан „Старая крепость“, тоже на барабаны. „В училище я поступил, но педагога по специальности не было, уволился, — рассказывает Валера, — все предметы были, а специальностью я занимался в кабаке. Проучился я в Чайнике года полтора — затянула жизнь кабацкая“.

При том, что кабацкий состав, в котором играл Валера, позднее получил изрядную известность под названием „Флаг“ — одна из первых свердловских рок-групп, в первом ее альбоме играл на барабанах Северин. Потом уехал в Якутию за длинным рублем, вернулся весной 1986-го без рубля, во „Флаге“ место занято, в кабаке тоже, перебивался подменками. С трудом устроился в цирк вторым барабанщиком, который на акцентах работает, и в оркестр милиции…

Иногда к Шахрину наведывался. „Моей жене он нравился тем, что всегда был галантен, приходил с коробкой конфет, с бутылкой шампанского… В отличие от друзей, которые приходили с водкой“ (Шахрин). „В конце 1986-го я был у Вовки в гостях, и он мне предложил поиграть в „Чайфе“ барабанщиком, но я только-только нашел работу в цирке, а они работали на стройке, в ментовке; репетировать не получалось, они вечером свободны — я занят, и наоборот. Проработал я в цирке с 1986-го по 1989-й. В 1988-м Егор Белкин звал меня в „Насте“ играть, но не договорились“.

Летом 1989-го его позвали в „Чайф“».
(Из книги Л. Порохни).

Так он и чайфует до сих пор, практически все то время, что существует группа. И делает это за своими барабанами очень

удачно.

Так что прогресс, хотя бы людской, все же был. А вот карьерный… Ну, выступления в Москве. Фестиваль «Интершанс». Концерты в Чехословакии. Поездка в Италию.

Как точно было подмечено в свое время: «„Чайф“ был группой, известной в Свердловском рок-клубе. И в Питере немножко. И все. Альбом выпустили, он как-то не шел. Концерты тоже не очень игрались, а которые игрались, были настораживающе случайны и унизительно бесплатны. Концертами, продвижением альбома должен был кто-то заниматься…»

Занимались же случайные люди, и трясло не только «Чайф». История того же «Наутилуса» в те годы еще более безумна и полна как взлетов, так и безумных падений, лишь харизма Бутусова и тот материал, который они делали вместе с Кормильцевым, позволяла подводной лодке (ну, или моллюску, кому что ближе) постоянно выныривать на поверхность. И проблема с директорами у «Нау» была посерьезнее — на той волне славы, что обласкала тогда группу, прикоснуться к наусовским деньгам хотелось многим. У «Чайфа» проблема была в другом — денег хотелось, но их все не было. По крайней мере, таких, каких хотелось бы… И так шло до той поры, пока в группе не появился Дима Гройсман.

Лихие девяностые. Из записок Шахрина

Всегда есть взгляд извне, а есть — изнутри. Мне повезло, что с самого начала существования группы я был если и не полностью изнутри, но уж явно и не извне. И до первой половины девяностых могу говорить от первого лица. Ну, или до конца восьмидесятых — так будет точнее. А потом я стал таким же сторонним наблюдателем, как и все, кто ходит на концерты «Чайфа». А потому лучше всего дать возможность высказаться самому Владимиру Шахрину, который многие годы ведет разрозненные записи. Лет десять назад мы с ним собрали часть этих записей, и получилась славная книга «Открытые файлы». Но понятно, что туда вошло далеко не все. Например, нижеследующее.

«1990. Главное событие года, конечно, „Рок чистой воды“. Два удивительных музыкально-экологических похода, летом по Волге, и осенью по Байкалу. Музыканты, экологи, журналисты в одной компании. Спасибо Косте Ханхалаеву и Игорю Крупину. По сути это первые туры со своим аппаратом, светом, менеджментом. Впервые вместе с нами выступают зарубежные группы и освещают концерты западные СМИ. Очень смешно, как представители морской державы Голландии увидели процесс вяленья рыбы. В их понимании мы просто повесили мертвую рыбу тухнуть, и потом ее ели. Все голландцы были очень высокого роста, но когда во время соревнования по реслингу наш небольшой Бегунов завалил всех иностранцев, мы поняли: это всё не настоящее, как овощи и фрукты из Голландии.

Песни: „Песенка Про Гадость“, „Оставь Нам Нашу Любовь“, „Утро, Прощай“, „Ой-Йо“. И первый клип на эту песню. Байкал, паруса и прочая красота.

1991. В Питере записываем новый альбом „Давай Вернемся“. Живем в одном огромном пятиместном (однокомнатном) номере в гост. „Октябрьская“. Пишет нас Андрей Муратов (клавишник „ДДТ“). Пишем гуляючи и не очень собранно. Случайно заглянувший в студию Саша Ляпин пишет сходу партию гитары в двух песнях. Разброс развлечений от знакомства с Эрмитажем до знакомства с питерским девушками со странными кличками Гангрена, Швабра и еще что-то в этом же роде. В этом году из

группы по собственному желанию ушел Антон Нифантьев и наступила эпоха Вовочек. Вова Привалов на басу и Вова Желтовских — альт (большая скрипка) В этом же году мы в степях Казахстана знакомимся с „Бригадой С“ (Гарик, Галанин, Гройсман и все остальные). Мега-фестиваль: сто зрителей, двести милиционеров и под сценой баннер спонсора „ПОКУПАЙТЕ НАШИ ГРАБЛИ“.

В этом же году в Екатеринбурге в студии А. Новикова записываем альбом — саундтрек к неснятому фильму по сценарию Тонино Гуэрра — „Четвертый Стул“. Осенью после путча: первая настоящая зарубежная гастроль. 8 городов Италии, на полностью местную аудиторию. Большой успех.

Песни: „Там Где Нет Ничего“, „С Войны“, „Давай Вернемся“, „Псы с Городских Окраин“, „Ковбои“, „Всему Свое Время“, „Что Такое Зима“».

Это был год Павловской реформы — обмен денег (здесь и далее курсив мой. А. М.). *А «Чайф» был в большом туре по Дальнему Востоку. И заплатили им практически все пятидесятирублевками, которые и надо было срочно обменять. Вот они и пытались от них то успешно, то безуспешно избавиться. А еще это был год путча, и как раз в те дни с приехавшими итальянцами группа была за городом, на рыбалке, под Карпинском — есть такой городок на севере Свердловской области. Один из итальянцев оказался из графской семьи, и потом уже, в Италии, на концерт «Чайфа» пришли его высокородные батюшка с матушкой и благодарили Шахрина с компанией, что они спасли их сына в тяжкие дни путча. «А мы водку пили, — говорит Шахрин, — да колбасой закусывали, что еще оставалось делать!».*

«1992. Время очередного перекрестка в нашей жизни. Надо решать или ты музыкант любитель, или ты вступаешь в этот шоу-бизнес. Рискуем. Понимание того, что мы кое-что понимаем в шоу и умеем сочинять и играть неплохие песни, но ничего не понимаем в бизнесе и совсем не умеем продавать наши песни, приводит нас к решению, что группе нужен грамотный, профессиональный менеджмент. Во время второго, не менее знаменательного похода по Волге под знаменами „Рока чистой воды“ мы на палубе теплохода „Октябрьская Революция“ на словах договариваемся о совместной работе с Димой Гройсманом. С тех пор мы работаем вместе, так и не подписав никаких

письменных контрактов, и не меняем условий, оговоренных в 1992 году. В этом же году мы знакомимся с Ильей Спириным, ставшим директором „Чайфа“, и также до сих пор исполняющим эту должность. Извините, но это главное событие 1992 года. Прошел фестиваль „Поколение“, спонсором которого была водка „Зверь“. Именно эта пьянка стала последним шагом к решению Бегунова окончательно и бесповоротно завязать с алкоголем. Бросил, и до сих пор, считая себя алкоголиком, не употребляет.

Песни: „Внеплановый Концерт“, „Похмельная“, „Мама, Она Больше Не Может“.

1993. Удивительная история с 3 тыс. дойче марок, подаренных нам абсолютно безвозмездно семьей Пархута в городе Минске. Она (эта сумма) позволила записать альбом в Москве в одной из лучших студий того времени „SNC“, да еще и снять клип на песню „Не Спеши“ из нового альбома. В группу к тому моменту по собственному желанию вернулся Антон Нифантьев. Во время записи (10 дней) мы живем в общаге военного завода возле метро „Фили“. Одна комната, 4 кровати и единственная розетка над шифоньером. Чай кипятим, встав на стул и поставив стакан с кипятильником на шифоньер. Едим печенье и большой шматок сала, прихваченный мной из дома. В студии все очень круто: оборудование от Фрэнка Заппы, гитары, усилители, микрофоны. Мы таких и не видели. В студию заходит и корректирует звук „лучшие уши России“» — Олег Сальхов. В один из дней в студию ввалились Саня Скляр и Костя Кинчев с друзьями с Байкала. Костя с Саней сказали, что они обязательно должны спеть в „Псах с Городских Окраин“. У друзей с Байкала была с собой бутылка байкальской водки исполинских размеров, и пока мы готовили всё для записи вокала, они ее дегустировали. В общем, когда надо было петь, то всё, на что были способны звездные бэк-вокалисты, так это выть по волчьи. Этот вой на альбоме „Дети Гор“ имеется, а на обложке есть надпись: бэк-вокал — Акела Кинчев. Звук альбома показался нам очень коммерческим, и мы дома, за один день записываем альбом „Оранжевое Настроение“.

Песни: „Псы с Городских Окраин“, „Зажги Огонь в Моих Глазах“, „Трамвай“, „Не Спеши“, „Не Дай Мне Повод"».

В группу опять попросился Антон Нифантьев. Взяли. Но у того уже было отношение ко всему происходящему, как к чему-то временному, даже не пришел на фотосессию для обложки альбома

«Четвертый Стул», потому на ней лишь трое из чайфов.

«1994. На местном Екатеринбургском ТВ-канале (4 канал) снимаем целый музыкальный фильм на весь альбом „Дети Гор“. Снимаем клип на песню „Не Дай Мне Повод“. Так как в записи песни принимал участие Сергей Воронов (гитара), а устная договоренность гласила, что мы не будем исполнять этой песню под фанеру (что само по себе смешно — за таким занятием замечены не были), и никто не будет имитировать его гитарные партии. Съемки клипа подразумевают звучание фонограммы на площадке, и поэтому все гитарные партии Воронова в клипе играются на перевернутой, струнами в пузу, гитаре. Очень смешно, и слово сдержали. Летом мы снова на студии „SNC“ записываем новый альбом. Саундпродюсером выступает Серега Галанин. Летом гораздо веселее, и в заброшенном Зеленом театре (там студия) мы чувствуем себя как в пионерском лагере.

Знакомимся с Серегой Шкаликовым и его супругой Машей Слоним. В свободные от смен дни живем у них на даче. Тогда еще не пафосной Жуковке на Рублевке. Спим на сеновале, ловим мидий в Москве-реке. Не советую повторять — мидии на вкус нормальные, но расстройство желудка было мощное и массовое. Благодаря тому, что запись альбома „Оранжевое Настроение“ становится популярной в кругах артистов театра О. П. Табакова и других артистов, нам удается уговорить издателей выпустить этот альбом. На обложке появляется надпись „Не московская концепция звука“.

Песни: „Джип-Бип-Папа“, „Четверо Парней“, „Тайный Знак“, „17 Лет“».

«Оранжевое Настроение» — истинная акустика, три гитары да альт. И все!

«А еще в 1994 году мы с Бегуновым ринулись в авантюру — решили сделать на екатеринбургском филиале радиостанции „Европа плюс“ радиоспектакль, практически сериал почти что из 100 серий, Beatles-радиоверсия, сделали, Бегунов даже не очень мешал!

1995. Первый грандиозный тур по России и ближнему зарубежью. „Чайф — 10 лет“. Специальный гость — группа „Серьга“. 27 городов. Свой брендированный автобус с туалетом и видеомагнитофоном (диковинка абсолютная). Две фуры со

звуком и светом, вся постановочная и техническая бригада. Абсолютно уникальное событие для того времени. Выходит в свет альбом „Пусть Все Будет Так, Как Ты Захочешь“. Рок-н-рольная общественность предает нас анафеме за попсовость. Снимаем два клипа в Уфе…

Песни: „Но Это Так“, „Силы Небесные“, „Давай Просто Уйдем“, „Не Со Мной“».

В это время появились первые доступные бытовые видеокамеры. В архиве группы до сих пор хранится около двадцати кассет со съемками с того тура, ждут своего часа.

«1996. Антон Нифантьев в очередной раз добровольно уходит из группы. Из Европы возвращается Слава Двинин, ранее игравший у „Насти“.

Я предлагаю Славе прийти на репетицию и поиграть немного вместе. Слава приходит на следующий день с нотной тетрадью, где записаны почти все басовые партии „Чайфа“. На вопрос, как это может быть, ведь за одну ночь это сделать невозможно. Слава спокойно ответил, что он всегда знал, что будет играть в „Чайфе“. Гастролируем, репетируем новые песни и осенью едем записываться в закрытый секретный город, ныне Новоуральск. Девушки Новоуральска даже на крохотный намек познакомиться делали испуганные лица и со словами „нам еще тут замуж выходить“ резво убегали. Жизнь под колпаком, хотя и с достатком. Вместе с альбомом „Реальный Мир“ выходит на телеэкраны прекрасный клип на песню „Не Со Мной“, который еще в прошлом году снял нам наш старинный дружок Тери из арховско-наутилусовской тусовки. Чуть позже он же снимает нам клип на версию „Рок-н-ролл Этой Ночи“ из вышедшего в этом же году „Оранжевое Настроение 2“. Неожиданный успех предыдущего „Ор. настра“ вдохновил нас на создание многосерийного СиДи-сериала.

Песни: „Реальный Мир“, „Все Хорошо“, „К Тебе я Полечу“, „Письмо“, „Кто-то Хитрый“».

Тери был ведь не случайным человек, даже состоял в рок-клубе с группой «Вафельные Стаканчики». Но случайных людей вокруг вообще не было, все из одного гнезда!

«1997. На 23 февраля мы едем в Чечню в боевые части играть

концерты и принимать участие в съемках программы „Взгляд“. Играли в госпитале, в палатках-столовых, в блиндажах, всего 5 выступлений. Все увиденное произвело такое впечатление, что во время телесъемки я несколько раз останавливался, не допев до конца „Силы Небесные“, потому что рыдал, как дитя. Летом мы едем на гастроли в Лондон. Три концерта. В русском посольстве для семей работников посольства. В прямом эфире русской службы „Би Би Си“ у Севы Новгородцева и в легендарном зале „Астория“. После концерта на вечеринке впервые знакомимся с живущем в Лондоне И. Лагутенко. Для нас делается часовая экскурсия по студии „Эбби Роуд“. Положительных впечатлений масса. Даже небольшая драка Гройсмана с секьюрити зала по окончанию концерта. Все нам понравилось. Я объявил последнюю песню, и когда мы вышли со сцены, английские техники моментально начали убирать оборудование со сцены. Дима с Ильей как коршуны бросились их останавливать, объясняя, что будет бис, секьюрити бросились останавливать Диму с Ильей. Потом долго извинялись.

Песни: „Я Рисую На Окне“, „Твоя Светлая Муза“, „Маленький Белый Ход“, „Кошка“».

На передовой с чайфами был и Андрей Макаревич, пел просто под гитару, показал себя мужественным и очень порядочным человеком, особенно вспоминается это тогда, когда вдруг начинаются оскорбления в его адрес.

«1998. Весной на студии „АВА мюзик“ в Екатеринбурге записываем альбом „Шекогали“. Студия маленькая, уютная, но удобства на улице под кустом. Отдельное спасибо В. Елизарову: звук в студии, и не только этого альбома, но и других, а также на концертах в 90-х. Летом группа дарит мне с женой путевки в тур — поездку в Париж. Подробно об этой поездке написано в книге „Открытые файлы“. Для группы важно, что в один из парижских вечеров я написал песню „Аргентина-Ямайка“. Собственно говоря, это зарисовка из того, что я увидел в тот день на одной из парижских улиц. Ближе к осени мы заканчиваем работу над альбомом и делаем прекрасную фотосессию у одного из лучших фотографов страны Михаила Королёва. Девушка с синяком и мы во фраках. Осенью грянул кризис, и все компании отказались выпускать один из самых хитовых альбомов группы. В эту кризисную осень мы решаем не отменять запланированный и подготовленный совместный тур с Tequilajazzz. Ничего не заработали, но отдубасили с десяток концертов и отлично

провели время с нашими старинными друзьями. На одном из зимних концертов мы ради шутки играем новую песню „Аргентина-Ямайка“. Присутствующие в зале представители компании „Реал“ после концерта заявили, что если в альбоме появится эта песня, то они возьмутся выпускать его. За один день песня была записана и вставлена в альбом. В самом конце года альбом увидел свет. Осенью 1998 года были на концерте The Rolling Stones в Москве — мегасобытие в нашей жизни.

Песни: „Кончается Век“, „В Ее Глазах“, „Матаня“, „Мой Фильм“, „Аргентина-Ямайка“».

Грянул дефолт. И опять вспомнилась мудрость фразы «Блюз — это когда хорошему человеку плохо!». Шахрин говорит, что в подобные минуты у них всегда творческий подъем.

«1999. Снимаем клип „Завяжи Мне Глаза“ в полуразрушенном доме Пашкова. Помещение не отапливается, по сценарию Слава принимает ванну, а на Валере расползается сделанная из бумаги намокшая рубашка. После единственного дубля Валеру растирают водкой. Записываем альбом „Симпатии“ с чужими, но любимыми песнями. Из случайно найденных кадров футбольного матча Аргентина-Ямайка и концертного выступления группы, монтируется клип, и летом из каждого утюга звучит „5:0“. К нашему ужасу, песня становится самой узнаваемой песней группы. Бесконечна череда гастролей, такое впечатление, что кризисный тур и альбом „Шекогали“ дали невероятный запас прочности. Коллеги жалуются на жизнь, мы молча утираем концертный пот со лба.

Песни: „Молодая Шпана“, „Белая Лошадь“, „Зима Была Лютой“, „Прощай, Детка“, Соня Любит Петю“.

2000. Как и весь мир, находимся под впечатлением наступившего века. Страшилка с всеобщим компьютерным коллапсом не оправдала ожиданий.

Первые гастроли в США. Концерт в „Манхэттен-холле“.

Первый сольный концерт в „Олимпийском“ — и сразу с полнейшим аншлагом. Выходит видеоверсия этого концерта. Весь год празднуем 15-летие коллектива.

Заканчиваем и выпускаем альбом „Симпатии“. Садимся за

запись альбома „Оранжевое Настроение 4“. Работа в студии снимается на видео для музыкального фильма. Летом проходит уникальный тур по Волге. Обычная баржа переоборудована в плавучую сценическую площадку, там же, на барже, живем мы и вся техническая группа. Вечерами баржа пристает к пристани очередного волжского города, и мы играем концерт, а днем мы поднимаем черное знамя и в одних трусах и плавках репетируем новые песни. Проходящие мимо прогулочные корабли и яхты заваливаются на бок от любопытных свидетелей этого необычного зрелища.

Песни: „Чудо-Труба“, „Звони“, „Эко Ладно“, „Кама-Река“, „Время Не Ждет“».

В Америке еще успели застать башни-близнецы. Чему рады до сих пор!

«2001. Опять едем в Питер для записи нового альбома. Запись проходит в студии „Добролёт“. К нашему обоюдному удовольствию, работу саунд продюсеров берут на себя Женя Фёдоров и Андрей Алякринский (Tequilajazzz). В Питере холод ужасный, в студии атмосфера прекрасная. Обнаружили в студии две прекрасные гитары и спросили, чьи это и можно ли использовать. После того, как выяснилось, что гитары принадлежат сыну М. Боярского, появился прекрасный афоризм: „Хорошо быть сыном д’Артаньяна“. К концу работы выясняется, что мы надеемся получить от совместной работы некий альтернативный саунд, а парни из „Текилы“ увидели в этой работе возможность показать всем, что они могут делать отличный поп-саунд. Ругани не было, и некий компромисс был найден легко. Когда была сведена песня „Не Зови“, мы все в один голос пришли к мысли, что это главная песня альбома, а Женька вообще предположил, что у группы появился хит европейского уровня. Именно на эту песню был снят очень красивый и для нас очень дорогой клип. К концу года в свет вышел альбом „Время Не Ждет“.

Песни: „Не Зови“, „Мимо“, „Обе Подруги“, „Дурные Вести“».

Оформлял альбом потрясающий художник и дизайнер Александр Коротич, много работавший с «Урфин Джюсом» и «Наутилусом». Он сделал уникальное оформление, которые смотрится лишь в дорогой версии. Если группа решит выпустить винил с этим альбомом, то он точно будет в том самом

оформлении Коротича.

«2002. Песня „Не Зови“, к нашему глубочайшему сожалению, несмотря на отличный саунд и прекрасный клип, что называется, не пошла. Не пошла у музыкальных редакторов радио и ТВ, не пошла и у публики. Чтобы поддержать продвижение отличного, на наш взгляд, альбома „Время Не Ждет“, снимаем клип на песню „Не Доводи До Предела“. Слова для этой песни написал участник самого первого состава, человек, придумавший непосредственно слово „Чайф“, Вадик Кукушкин. Песня, несмотря на не самый лучший наш клип, понравилась публике и до сих пор крепко держится в сетке радиовещания различных станций. С сыном Александра Пантыкина („Урфин Джюс“), тоже Александром, записываем песню „Клен Ты Мой Опавший“ для нового фильма нашего земляка и хорошего товарища Володи Хотиненко „По ту сторону волков“. Выясняется, что, не говоря никому ни слова, Володя Бегунов и Слава Двинин комплектуют оборудованием свою домашнюю студию.

На квартире у Бегунова, в ее не отремонтированной части, мы начинаем первые эксперименты с собственной звукозаписью. Больше всего достается новой песне „Африка и „В Ночь По Новым Вдресам“. Пересводим их бесчисленное количество раз.

Песни: „Не Доводи До Предела“, „Африка“, „В Ночь По Новым Адресам“, „Клен Ты Мой Опавший“».

Хотиненко тоже имел отношение к рок-клубу. Как постоянный гость. Опять же — все это была одна тусовка!

«2003. Продолжаем экспериментировать с новыми песнями. Выходим на контакт с несколькими ребятами, активно занимающимся электронной музыкой и танцевальной клубной культурой. Предлагаем посотрудничать. Все хотят делать ремиксы на уже известные и раскрученные хиты. Лишь Гриша Родионов (Битум) соглашается поработать над совсем новой песней. Получается необычная для „Чайфа „Сальто Назад“. Володя Елизаров помогает записать джазовую версию „Доктор Доктор“ и „Но Это Так“ с оркестровой аранжировкой. Пантыкин-младший помогает сделать „Он и Твоя Любовь“.

Записываем песню „За Полшага“ для фильма „Порода“. Выезжаем на съемочную площадку и на натуре фильма, с актерами снимаем кадры для клипа и трейлера фильма. Выходит в свет один из самых экспериментальных альбомов группы „48“.

Название появляется случайно, когда вставили в ДиВиДи-проигрыватель сведенный и нарезанный альбом, на дисплее проигрывателя высветилось 48. Сольник в Лужниках — 18 лет, всё только начинается. Акустический концерт во МХАТе, в паузах между песнями Дима Сокол („Ур. Пельмени“, КВН) сносит голову зрителям своими специфическими экспромтами.

Песни: „Сальто Назад“, „Париж“, „Уезжаю“, „Африка“, „За Полшага“».

Вокал Шахрин записывал в сортире у Бегунова, вспоминает об этом до сих пор со смехом и удовольствием.

А с «Пельменями» «Чайф» дружит до сих пор!

«2004. Играем в Давосе, на международном экономическом форуме. На странном мероприятии „Дни Свердловской области в Москве“ мы познакомились и вместе играли песню „Не Спеши“ с ансамблем народных инструментов „Изумруд“. Зал аплодирует стоя. В числе стоящих и рукоплещущих замечены мэр Москвы Лужков и губернатор Свердловской области Россель. Приходит в голову идея сделать вместе целую концертную программу. Статус народной группы давно на это намекал. Играем ее в Екатеринбурге, Питере, Москве и в студии „Нашего Радио“ в рамках „Нашествия“. Банальный поход в гости к Шуре Би-2 вылился в историю совместной песней „Достучаться До Небес“ и клипом на нее.

Осенью жуткие события в Беслане. Принимаем участие в марафоне „СОСтрадание“.

Песни: „Достучаться До Небес“».

Концертом в Давосе «Чайф» гордится до сих пор. И по одной простой причине: они хорошо понимали, что люди, которые их слушали, где только не были и кого только не слушали. А сейчас им аплодируют и ловят кайф. Что же, это многого стоит!

С песней же Шуры Би-2 получилось вот как. Тот сыграл ее Шахрину, а Володя записал мелодию на диктофон. Ночью же сочинил слова и наложил. А на следующий день попытались уже сделать вдвоем, в чистом виде — получилось.

«2005. В Екатеринбурге снимаем очень милый и смешной, малобюджетный клип на песню „Африка“. Реж. Илья Бакеркин из

той же архо-наутилусовской компании.

Клип интересен тем, что в эпизодических ролях в нем снялись сын Бегунова, Женя, наши пресс-атташе Марина Залогина и директор Илья Спирин.

Решили увековечить совместный труд с „Изумрудом“ и записываем альбом „Изумрудные Хиты“. Выпускаем альбом. 20 лет группе отмечаем аншлаговым концертом в „Олимпийском“. Выезжаем в Монако на Суперкубок УЕФА, ЦСКА — „Ливерпуль“. Несмотря на поражение, играем концерт для болельщиков и спортсменов.

Песни: „Ой-Йо“ (реггей-версия), „Оранжевое Настроение“ (версия), „Сальто Назад“ (версия)».

Писали альбом с «Изумрудом» в бомбоубежище под детским садиком, которое пленные немцы построили в 1946 году. Полгода сами приводили в порядок — делали вентиляцию…

«2006. В рамках „Зимней акустики“ играем свой первый квартирник. Такого количества иногородних гостей на концертах „Чайфа“ не было никогда. Вся эта шумная компания разместилась на сцене в декорациях квартиры и создавала неповторимое настроение квартирника. Репетируем, записываем и выпускаем новый альбом „От Себя“. Едем в тур по стране в поддержку альбома. В записи песни „Белая Птица“ принимают участие хор мальчиков и детский джаз-хор. Снимаем клип с участием всех детей. Клип отличный и песня прекрасная. Как и предполагалась — в жесткую ротацию не попадает. Отсутствие танцующих полуголых теток практически закрывает дорогу в современный эфир ТВ. Выходит в свет книга „Открытые файлы“. К моему удивлению, ни одного ругательного отзыва.

Песни: „От Себя“, „Ангел“, „Белая Птица“, „За Годом Год“».

В Свердловске не было культуры квартирников, поэтому то был первый, пусть и стилизованный квартирник в истории «Чайфа».

«2007. Фестиваль виндсерфинга в Египте „Русская волна“.

Играем концерт на закрытии. Июнь-август — золотой тур.

Снимаемся в фильме „День выборов“. Один съемочный день на теплоходе по Москве-реке. Появление в фильме песни Цоя „Мама Анархия“ в стиле „у костра“ — наша идея. Осенью репетируем и записываем альбом „Оранжевое Настроение 5“. Совсем старые песни, приходится придумывать заново аранжировки в стиле 70-80-х.

Песни: „Жизнь в Розовом Дыму“, „Нахреноза“, „Камнепад“, „Она“.

2008. Ежегодный концерт „Грачи прилетели“ в Екатеринбурге становится благотворительным.

Помогаем детской специальной олимпиаде.

Наши дети привозят из Китая 7 золотых медалей.

Валере 50 — первая юбилейная ласточка в коллективе.

Едем на чемпионат Европы по футболу. Еле-еле успеваем на концерт в „Русском доме“. Болеем за наших, Россия — Испания. Не помогло. Ночью на заправке обсуждаем футбол с русскими болельщиками.

Съемки „Дня радио“. Долго, холодно. Играем сами себя, только очень уставших от музыки. Это не так.

Вместо улетевшего в Америку Гройсмана в кадре наш старый приятель Серега Беляев (Табакерка).

Пишем песню для телефильма „Почтальон“.

Выпускаем „Оранжевое Настроение 5“. В подарочной версии + DVD-фильм о записи альбома „Оранжевое Настроение 4“.

Песни: „Джинсовый Фрак“, „Сплин“, „Сентиментальный Блюз“, „Почтальон“.

2009. Год прошел под знаком кино. Скетч-сериал „Дом кувырком“ с нашими песнями и новой песней на титрах. Фильм „Стиляги“ с двумя нашими песнями.

Фильм „Братаны“ с песней „Точка“. Песня очень долго занимает лидирующие строчки в „Чартовой дюжине“. Играем на

открытии кинофестиваля „Кинотавр“ в Сочи. Поем песню, в которой слова „Шаляй-валяй“ заменены на „Не забывай“. На экране идут кадры из фильмов с участием О. Янковского и других ушедших актеров. Сдержать слезы невозможно. Шахрину и Бегунову — 50. Бегунову на день рожденья дарим специально написанную и записанную песню „День Рожденья“.

В сеть выкладывается виртуальный альбом „Свой — чужой“ с любимыми песнями не нашего сочинения. Начинаем тур „25 лет выдержки“. Играем на концертах в „Олимпийском“ у Бутусова, Гарика и „Машины Времени“. Записываем „Шанхай-Блюз“ для трибьюта „Машины“ и „Рвать Ткань“ для трибьюта „Нау“. Шахрин и Бегунов озвучивают роли в детском радиоспектакле про Жужжу (Шкряба и Бряка).

Песни: „Точка“, „День Рожденья“, ШанхайБлюз“, Рвать Ткань“».

В 2013 году у группы вышел альбом «Кино, Вино и Домино», в котором они собрали свои саундтреки.

«Жужжа» — сказка Александра Коротича. Сейчас это целый мультемедийный проект.

«2010. Продолжаем тур „25 лет выдержки“. Впереди более 30 городов. Готовимся к большим концертам в „Ледовом“ — Питер и „Олимпийском“ — Москва».

Вместе теплей

…Но пора, пора вернуться на тот самый теплоход, что идет сейчас по Волге-матушке, и на котором Шахрин тоже идет — в каюту к Диме Гройсману, сделать ему предложение.

Директор «Бригады С» — человек удивительный. Вот как пишет о нем Леонид Порохня:

«Надо сказать, что Дима с „Чайфами“ дружил, группа ему нравилась, песни ее тоже, но степень продвинутости ее в сознание масс населения Дима, соглашаясь быть директором, представлял себе слабо, на что и напоролся: „Я сразу почувствовал перемену: когда я приходил и говорил: „Здравствуйте, я менеджер „Бригады С“, — ее знали все. Любили или нет, это другой вопрос, но знали. Когда я приходил, допустим, в железнодорожные кассы и говорил: „Девочки, помогите с билетами, я менеджер группы „Чайф“, — они переспрашивали: „Что за чай?“.

Дима занимался экспериментами на ниве прикладной социологии: при встрече со знакомыми как бы ненароком упоминал „Чайф“. Следовал вопрос: „А кто такой „Чайф?““. „И меня это бесило! — усмехается Гройсман, человек по натуре упорный, даже упертый. — Когда-то Гарик мне сказал: „Группа „Чайф“ — хорошая группа, но она провинциальная, такой и останется“. Я сказал: „Поживем — увидим“.

Оставалось „пожить и увидеть“, чем Дима и занялся. Денег у него не было, но были опыт и натура подходящая.

Дима Гройсман — еврей из Воркуты, умудрившийся таки родиться в зоне оседлости, в городе Хмельницком. Мама в отпуск ездила, Дима в теплом климате родился, и немедленно в Воркуту.

„Я на свет появился только потому, что сестра была идеальным ребенком, не плакала, была послушна, никогда не перечила родителям… — рассказывает Дима. — Мама говорила, что если бы я родился первым, сестре бы света этого не видать, — я был полной противоположностью. Но я во всем был полной противоположностью, и когда мама спрашивала, что мне подарить на день рождения, папа говорил: „Дай ему денег, мы все равно не попадем“…

После школы поступил в Московский автомеханический институт, а потом Дима предался театру. С азартом, потому что Дима включился в „систему“. Была такая студенческая система скупки и перераспределения театральных билетов. Действительно „система“ — бойцы, лидеры, пятерки — вполне тайная организация, смыслом которой был не просто билет, а билет как валюта, универсальная, весомая, и милиция не докопается.

Прошел Гройсман в системе от бойца, который всю ночь в очереди стоял, до лидера, который решал многое. „Театр Ермоловой был мой, — рассказывает Дима, — если надо было попасть в театр Ермоловой, звонили мне. Я знал в театре всех, от уборщицы до Фокина. А был там главным администратором Толя Фалькович, его я считаю своим учителем. У него была поговорка: „Если я не могу решить твою проблему с одного звонка, это очень сложная проблема“. Но со второго он ее решал“.

По окончании института Дима в автотракторном НИИ с 7:45 до 18:40 с перерывом на обед играл в теннис, пока в один прекрасный день не позвонил Фалькович и не полюбопытствовал, не надоело ли Диме по восемь часов в день коту под хвост выбрасывать. Потому что в театр Табакова нужен администратор, он Гройсмана и порекомендовал.

Успешно сдав головоломный экзамен с доставанием за сутки из воздуха десяти спортивных матов для спектакля „Прищучил“, Дима был принят на работу в театр Табакова. Там познакомился с Сукачевым. „А Гарику если что нравилось, он сразу пытался подобрать…Гарик сказал: „Иди ко мне администратором“. Я отказывался, он посчитал, сколько я буду получать, раза в четыре больше, чем в театре. Меня и это не проняло, но он сказал, что если я в течение недели решу проблему с театром, через две недели мы едем в Германию, потом в Америку“. Заграница проняла.

До „Чайфа“ Гройсман проработал в „Бригаде С“ четыре года. „С Гариком у меня разногласий не было. У меня с ним разногласие существовало по поводу пьянства, единственное разногласие. И с „Бригадой“ я не собирался ни расходиться, ни расставаться, но считал себя свободным человеком“».

Шахрин поговорил и с Гариком — неприлично ведь просто так сманивать!

Сукачев оказался не против, хотя какое-то время Гройсман был директором сразу двух коллективов — «Чайфа» и «Бригады С», и лишь где-то через год полностью занялся только «Чайфом».

Что главное у Гройсмана? Чутье. И не только на деньги, хотя на деньги тоже. Чутье на то, что пойдет именно сейчас.

Понятно, что все свои хиты, и принесшие «Чайфу» почетное наименование «народной группы», Шахрин писал по одной причине: как-то именно так он начал воспринимать мир, более лирично, оптимистично, свежо…

Гройсману оставалось одно: сделать так, чтобы все это выстрелило.

И выстрелило. Может, в какой-то промежуток времени звезды стали в нужном порядке, может, что еще, но вообще — если очень долго падать, можно выбраться наверх. Сильно «Чайф» никогда не падал, но наверх вдруг взял да выбрался, хотя многим это не понравилось. Может, не нравится и до сих пор, да бог с ними, успешные карьеры часто вызывают зависть, а что стоит за этой успешностью — мало кто знает.

Гройсман появился в группе, когда ее история насчитывала уже полтора десятка лет. И возник он не на пустом месте. До него в группе тоже были директора, с особой нежностью и благодарностью Шахрин вспоминает Костю Ханхалаева: этот крепкого телосложения бурят был какое-то время одним из директоров «Наутилуса», потом его уволили — для «Нау» это было обычное дело, и Костя потихоньку начал работать с «Чайфом». Не так успешно, как в последствии Гройсман, но именно в эпоху Ханхалаева «Чайф» стал часто выступать в Москве, да и вообще концертов стало побольше. Хотя это еще не было победой, она лишь ощущалась — там, за горизонтом…

Практически одновременно с Гройсманом в группе появился еще один человек, без которого нынешний «Чайф» нельзя представить. Это Илья Спирин, директор группы (Гройсман — арт-продюсер). Илья — отец, мать, тетушка, дядюшка, нянька в одном лице. Он прорабатывает логистику туров, занимается поездками и устройством концертов.

«Перед попаданием в „Чайф“ он открыл свою фирму и

пытался торговать сахаром. Тогда почему-то все пытались торговать сахаром, и все приблизительно с одним результатом. „Я «очень удачно» торганул на самом деле рожей своей, и потом не знал, что делать, как жить“… Но поскольку в собственной фирме Илья был сам себе директором, один приятель сообщил, что группа „Чайф“ ищет директора, и посоветовал сходить поговорить. „Я сходил к Шахрину в гости, и для меня это был шок“.

Шок — потому что слово „Чайф“ Илья знал давно, и звучало он для Ильи гордо. Во-первых, Спирин был Шахрина с Бегуновым на девять лет моложе, и когда „Чайф“ совершал первые набеги на площадки Москвы и Подмосковья, учился в Институте электронной техники в Зеленограде. А институт был, как он говорит, „продвинутый и закрыто-открытый», электронный, все паяют и, разумеется, слушают музыку. Илья до поступления музыкой не увлекался, а тут затянуло за компанию. При том, что Зеленоград наравне с Черноголовкой был еще в большевистские времена одним из центров рок-н-ролла, здесь была своя традиция, концерты довольно часто, на доске объявлений Илья однажды прочитал: „Группа «Чайф»“. И подумал: „Что за уроды придумали название такое? А с другой стороны, душу греет, Свердловск, родина…“…

Денег не было, изыскивались различные альтернативные способы ходить на концерты, кто-то предложил поработать дружинником, билеты проверить. „Проверили билеты, сели концерт смотреть, выступал «Чайф», Шахрин с трубой ходил, то есть с брандспойтом. И мне понравилось, весело“. Потом пришли из Москвы записи на одну ночь, Илья всю ночь сидел, писал „Дулю с Маком“ и „Дерьмонтин“, а пленки не было, пришлось стереть любимых Queen…

После института работал Илья на Свердловском Оптико-механическом заводе, очень не понравилось, уволился, а тут и сахар… Но это был еще 1991 год, уже тогда Шахрин к Спирину примерялся, не срослось, но Илью Володя запомнил. И месяцев через шесть отыскал. „Мне сказали, что работы нет, есть Пикалова (тогда — администратор), с которой нужно закончить отношения. И с самого начала разговор шел не то о директоре, не то об администраторе, тогда было еще по жизни не ясно, чем одно от другого отличается. Я поработал в качестве техника на добровольных началах, ходил на репетиции…“» (из книги Порохни).

Практически все в сборе. Не хватает только одного, хотя вот — стоит с бас-гитарой в противоположном от Бегунова краю сцены Слава Двинин…

«Славу я увидел еще до Нового года в баре „У дяди Вани“ и подумал: „О! А этот человек играет на бас-гитаре…“ — рассказывает Шахрин. — Я знал, что он уезжал в Европу работать и вернулся, потому что там никакой особой работы нет. И я предложил: пусть, если хочет, выучит пару песен, попробуем. Просто попробуем. Он сказал: „Хорошо“. Через два дня мы встретились, Слава достал тетрадь, в которой были ноты почти всех наших песен. Почти всех! За два дня он не мог этого сделать и на мой вопрос сказал: „Я почему-то знал, что мне будет это приглашение, я всегда хотел играть в группе «Чайф»“… Он не врал, потому что физически невозможно за такое время снять шестьдесят песен!».

Попробовали репетировать, Славе говорили песню, он открывал тетрадку и играл с листа. Шахрин косился на Валеру, тот маячил: «Хорошо»… Тут Антона и уволили.

Детство Двинин провел в городке Первоуральске, в одном подъезде с Настей Полевой. С Настей дружила его старшая сестра, она училась в музыкальной школе, в доме стояло пианино, но Славу оно не интересовало. В шесть лет он хотел стать Гитлером, потом просто немцем — понравился фильм «Семнадцать мгновений весны»… Потом хотел стать грузином, они много денег зарабатывают; грузины торговали земляными орешками на базаре…

Музыка поманила с началом полового созревания — первая гитара со сломанным грифом, замазанным эпоксидной смолой — ансамбль Дворца пионеров — школьный ансамбль… «Танцы, халтуры играл, как ни странно, на пианино, сам разобрался, ноты сам изучал. А мы были уже рокеры, ездили в Свердловск динамики покупать, но не купили, потому что динамики были дорогие. Мы поехали в Билимбай и сняли рупора с вокзала. Один дежурил, двое карабкались на столб…»

В конце 10 класса, в 1983-м, дал Славе один доброжелатель совет учиться музыке дальше. Съездили в Свердловск, в училище им. Чайковского, где Слава понял, что шансов у него нет никаких. Тут другой доброжелатель посоветовал идти на контрабас, там

все время недобор. Через неделю Двинин взял напрокат контрабас и начал по нему смычком душераздирающе водить. Сдал экзамен на четверку. Как он дальше экзамены сдавал — отдельная история, но позже в характеристике прочитал: «Принят за большое желание учиться».

Через год армия, общий вагон, Москва, Образцово-показательный оркестр внутренних войск. В части маститые музыканты с высшим образованием, а Двинин с первым курсом музучилища мыл полы, чистил инструменты и играл на халтурах. После присяга на Красной площади… За два года три парада на той же площади, похоронил Слава человек пятьдесят, среди которых и Устинов, и Черненко… «У Устинова было та-ак холодно, — рассказывает Двинин, — а мы в генеральских сапогах на картонной подошве… Надевали газеты под кителя, целлофан под фуражку. С Черненко было проще, весна, а Устинов запомнился. Ну и всякие главные пожарники, они помирали, а мы их хоронили. Побывал на всех кладбищах города Москвы, и закрытых, и открытых. На фестивале молодежи и студентов играл, там нас выдавали за Оркестр высших технических училищ»…

В 1986-м дембель, опять Чайник, эстрадное отделение, играл в рок-клубе с Огоньковым и Ольгой Арефьевой, работал в ДК МЖК, где «Чайф» репетировал, там с ними и познакомился. Но в рок-н-ролле не прижился, работал в кабаке, потом вдруг уехал в Армению, курорт Джирмуг. «Чужая страна, дурные деньги, я зову жену, она едет, и в феврале 1988-го война, Карабах. И я в войне. И все против нас обозлились. Кое-как мы оттуда смотались… И я понял, что со мной все, я кабацкий музыкант. Купил синтезатор, на нем играл. И потерял интерес ко всему, к жизни. Кабак…».

Вдруг Слава попадает в «Ассоциацию», проект Лехи Могилевского, на тот момент состоявший из только что распущенного Бутусовым «Нау». Двинин приободрился, а его решили «махнуть» на Вадика Шавкунова, басиста «Насти». И махнули, оказался Слава у Насти Полевой, соседки бывшей. Только она так его и не вспомнила. Или вид такой сделала. Репетировали на базе «Чайфа», как раз Антон опять ушел, и Шахрин Славу попросил подыграть, но появился Привалов, не вышло, хотя Двинину уже казалось, что все это неспроста…

В конце 1991-го продал Слава гитару, ушел от Насти в брокеры. Потом опять кабак. Потом Европа, первая попавшаяся

страна Дания. Играл на улице. И дело, в общем-то, шло, ездил каждый год до 1995-го, потом понял, что больше не может. Просто не может, и все. Остался не у дел. Но ходили тихие слухи, что Шахрин к Славе будто бы примеряется, доходили они до Славы по принципу «один звукооператор говорил». Город-то маленький.

«И я почему-то купил все кассеты „Чайфа“, которые нашел, взял тетрадку и альбома четыре на ноты перевел». Иначе говоря, встреча в баре «У дяди Вани» была во всех смыслах и со всех сторон неслучайной. И успешной — Двинин влился в группу просто, быстро и вовремя.

На самом деле в этом мире практически все происходит вовремя. И даже нынешняя мегапопулярность «Чайфа» — кто знает, но случись это раньше, что было бы сейчас с ними? Не исключено, что их просто бы не было, как нет уже многих других великолепных и волнующих групп!

Еще в самом начале своей карьеры Шахрин написал удивительную песню, которую записали они лишь на альбоме «Дерьмонтин».

Вместе теплей

Он приходит к нам, когда уже вечер отпет.
Он привык к темноте, исключает свет.
Бесшумной походкой он входит за дверь.
Он ищет здесь то, чего уже нет.

Он ищет здесь свой вчерашний день,
Он берет в руки медный крест и говорит мне: «Одень».
Но мы будем нелепы с этим крестом,
Я говорю ему мирно: «Оставь его на потом».

Он хочет увидеть в наших глазах ту весну.
Он хочет увидеть любовь, и одну,
Одну с нами нить и корень один.
Но у нас другой ритм и мы поем другой гимн.

Наш гимн жёстче, но, быть может, светлей.
За каждой строчкой мы видим конкретных людей.
Есть смысл за каждым движеньем руки.
Он знает все это, но приходит к нам вновь —

Наверно, вместе просто немного теплей.

Это действительно удивительная песня хотя бы тем, что в ней выражено не только тогдашнее мировосприятие Шахрина, но и заложен тот смысловой посыл, которого «Чайф» и его лидер придерживаются до сих пор.

Нам всем должно быт вместе немного теплей.

Вот как нам тут на сцене — посмотрите на нас, как тем из нас, кого вы сейчас не видите — они кто за кулисами, кто в гостинице, кто просто в Москве, но так и вам должно быть тепло в этом зрительном зале. Спасибо, что вы с нами, мы любим вас!

Вот в чем оно, отличие «Чайфа»: они очень любят свою публику, и хотят, чтобы эта любовь была взаимной.

Но она и так взаимна, может, оптимизм Шахрина играет в этом далеко не последнюю роль, но как я рад, что в далеком уже 1984 году один мой знакомый дал мне послушать записанные на катушку песни просто под гитару.

Хотя и без меня все бы это было — я в этом уверен!

Персоналии

Владимир Шахрин — вокал, гитара, акустическая гитара, губная гармоника (1985 — наши дни)

Владимир Бегунов — гитара, слайд, бэк-вокал (1985 — наши дни)

Валерий Северин — ударные, бэк-вокал (1989 — наши дни)

Вячеслав Двинин — бас-гитара, бэк-вокал (1996 — наши дни)

Дмитрий Гройсман — арт-продюсер

Илья Спирин — директор

Марина Залогина — пресс-менеджер

Александр Косинов — стейдж-менеджер

Кирилл Каратаев — звукорежиссёр

Вадим Кукушкин — панк-труба (1983–1984) — инструмент, придуманный им самим, изготовленный из простой дыхательной трубки для подводного плавания, из которой он извлекал совершенно нелепые звуки. Покинул группу в связи с призывом в армию. По возвращении создал собственный проект «Кукушкин Оркестр», с которым выступил на III фестивале Свердловского рок-клуба, записал пост-панковый альбом «Харакири», имевший, несмотря на интересное звучание и хлесткие, ироничные тексты, лишь локальный успех. В конце 90-х при участии Шахрина и Нейла Прокина создал музыкальный проект «Шалуны на Луне». Владимир Шахрин спел для этого проекта песню «Зима Была Лютой», запись которой вошла в альбом «Чайфа» «Симпатии», а также исполнил песню «Нахреноза» в эфире программы «Соки-воды» на «Радио 101» 23 марта 1998 года. Также две песни на стихи Кукушкина вошли в альбом «Время Не Ждет».

Олег Решетников — ударные, перкуссия, ксилофон (1985–1987). В конце марта 1987-го, понимая, что дальнейшее занятие рок-музыкой в целом и барабанами в частности ему неинтересно, и не желая сдерживать профессиональный рост группы, оставил набиравший популярность «Чайф».

Антон Нифантьев — бас-гитара (1985–1990, 1992–1995), также группа «Инсаров».

Владимир «Зяма» Назимов — ударные (1987), также группы «Бумеранг», «Урфин Джюс», «Группа Егора Белкина», ушел в «Наутилус Помпилиус», позднее — группы «Поезд Куда-Нибудь» и «Апрельский Марш».

Игорь Злобин — ударные (1987–1989), также группы «Метро», «Тайм-Аут», экс-«Апрельский Марш» «ТарантинА». Сын директора музыкальной фирмы «Урал».

Павел Устюгов — гитара(1988–1990), экс-«Тайм-Аут».

Владимир Желтовских — альт(1990–1991).

Владимир Привалов — бас-гитара (1990–1992).

Дискография

1985 — «Жизнь в Розовом Дыму»

1986 — «Субботним Вечером в Свердловске»

1987 — «Дуля с Маком»

«Дерьмонтин»

1988 — «Лучший Город Европы»

1989 — «Не Беда»

1990 — «Давай Вернемся»

1991 — «Четвертый Стул»

1992 — «Дети Гор»

1994 — «Оранжевое Настроение»

1995 — «Пусть Все Будет Так, Как Ты Захочешь»

«Концерт»

1996 — «Оранжевое настроение II»

«Реальный Мир»

1998 — «Избранное»

«Best of Чайф»

1999 — «Акустические Версии»

«Шекогали»

2000 — «Симпатии»

«Всё Только Начинается!» (юбилейный концерт в СК «Олимпийский»)

2001 — «Время Не Ждет»

2002 — «Оранжевое Настроение-IV»

2003 — «48»

2004 — «Изумрудные Хиты»

2006 — «От Себя»

2008 — «Оранжевое настроение-V»

2009 — «Свой/Чужой»

«Чайф. 25 Лет Выдержки» (сборник песен к туру в честь 25-летия группы)

2011 — «Зимняя Акустика. Снежные Сны»

2012 — «Дети Гор Rough Mix»

2013 — «Кино, Вино и Домино»
СОДЕРЖАНИЕ

Волна простоты — 1
Волна простоты — 2
Сейшн имени Перова в ДК имени Воровского
Волна простоты — 3
Повесть о том, как два мечтателя одного монтажника с толку сбили
Волна простоты -4
Псы с городских окраин — I
25 вопросов Шахрину
Псы с городских окраин — 6
Псы с городских окраин — 7
Лихие девяностые — 1
Лихие девяностые. Из записок Шахрина
Вместе теплей
Персоналии
Дискография